

фантастическая
история

Михаил Королёв

Спасти СССР.
Инфильтрация

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Фантастическая История

Михаил Королюк

Спасти СССР. Инфильтрация

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Королюк М. А.

Спасти СССР. Инфильтрация / М. А. Королюк — «АЛЬФА-КНИГА», 2014 — (Фантастическая История)

ISBN 978-5-9922-1697-4

Случайная – или не совсем? – встреча с попутчиком в поезде, разговор за рюмкой, оживленный спор... Может ли один человек, если вернуть его в прошлое, изменить историю хотя бы одной страны, обладая всеми знаниями сегодняшнего дня? «Я бы взялся, да кто ж предложит», – говорит Андрей Соколов, наш современник. «Вот прямо так бы все бросил и взялся?» – не верит попутчик. ...И вот Андрей оказывается в конце семидесятых, в своем собственном теле восьмиклассника ленинградской школы. Конкретных задач перед ним никто не ставил, инструкций не давал. Ему самому предстоит решить, что делать: зная о грядущем развале страны, успеть отыскать теплое местечко на земном шаре, благо возможности есть, или все-таки остаться и попробовать повлиять на ход исторического процесса и спасти СССР.

ISBN 978-5-9922-1697-4

© Королюк М. А., 2014
© АЛЬФА-КНИГА, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Королук

Спасти СССР. Инфильтрация

Пролог

10 июля 2015 года, 09:57

Украина

– Ну что, вмажем по стремени, что ли, на ход ноги? – жизнерадостно предложило сидящее напротив существо. – Для стимуляции мыслительных процессов.

Я лишь слегка кивнул в ответ. Оно тут же сноровисто обновило кальвадос в рюмашках, извлекло из воздуха золотистую тушку цыпленка табака и решительно разломило ее на две приблизительно равные части, роняя мутные капельки застывшего жира на небрежно брошенную на стол салфетку. По купе разнесся чесночный дух.

Поезд тряхнуло на стрелке, и в окно нагло полезло солнце. Мой визави оторвал взгляд от мелькавших за стеклом кустов и многозначительно посмотрел на меня:

– До Шепетовки осталось минут пятнадцать. Пора...

Я опять изобразил вялый кивок, рассеянно наблюдая, как при каждом перестуке колес по поверхности чая пробегает рябь.

«Да, сегодня ты, Дюха, достиг новых высот. С кем только не пил, но чтобы с явлением... – После бессонной ночи мысли двигались еле-еле, словно плавники разморенной в теплой воде рыбы. – Пожалуй, это слишком смелая концепция для меня, что бы оно ни говорило. Пусть побудет существом, раз не является человеком. В конце концов любое существо – само по себе явление...» – Я готов был думать обо всем, кроме главного.

Где-то в животе пульсировал шальной восторг ожидания чуда, и одновременно холодным червячком шевелилось опасение обмана. Слишком сладким ломтем меня поманили... Не муляж ли это?

Я еще помню, как было до, и знаю, как сделалось после, и оттого мне порой становится страшно. Это не тот страх, который ползет мурашками по коже, когда ты на кураже залез на десятиметровую вышку и, подойдя к краю, обнаружил, что люди под ногами съежились до букашек: такой страх можно преодолеть, сделав шаг вперед. Нет, это другой страх, тоскливый и безнадежный, цементирующий ночь могильной уверенностью, что серое и корявое сегодня, так внезапно выкрутившееся из ничего и заслонившее собой прекрасное далёко, теперь навсегда. Навсегда – вот ключевое слово.

Стоп. Хватит дергаться. Сейчас все станет ясно, я же ничем не рискую? Лишь надеждой... В худшем случае ничего не изменится.

Странно, но я так и не испытал сомнений в реальности происходящего. Как-то сразу и однозначно стала ясна фальшивость версий об иллюзорности, сне или гипнозе. Да и доказательства своих слов оно, что ни говори, предъявило убедительные. Ой не сон это, Андрюха, не сон...

Время как будто замедлило бег, и мозг, продолжая перепроверять уже принятое решение, одновременно отстраненно замечает и запоминает всякую мелочь вроде взаимного расположения косточек от маслин на столике или рисунка-вышиванки на наволочке. Почему-то кажется, что даже в порядке мелькания хат за окном и перестуке колес есть скрытый смысловой слой, который можно будет потом, в спокойной обстановке, раскодировать и использовать.

Чушь, конечно. Значение имеет только происходящее в купе, только те слова, которые сейчас скажу.

– Я решил, – начал я. Вышло сипло и фальшиво. Хмыкнув, попытался расслабить горло и без всякого удивления обнаружил, что все тело, видимо уже давно, сковано предельным мышечным напряжением. Крутанул головой, сделал пару движений плечами, с хрустом разминаясь, поморщился из-за тупой боли под левой лопаткой и уже нормальным голосом повторил: – Я решил. Март семьдесят седьмого, в себя.

9 июля 2015 года, 16:34

Москва, Киевский вокзал

Он вошел в купе минут через пять после того, как уплыл назад перрон Киевского вокзала и я уже успел возрадоваться счастливой случайности, лишившей меня в поездке на юг соседей по купе.

Первым в откатившуюся дверь просунулся слегка потертый жизнью, но сохранивший импозантность темно-рыжий портфель с медными накладками на уголках. Сразу стало понятно, что скроен он из самой что ни на есть натуральной свиной кожи хорошей выделки в те времена, когда воздух был чист, рыба в Оке водилась, а идея приделывать к классическим мужским портфелям ремни для ношения на плече еще никому не пришла в голову.

Я подавил вздох разочарования и быстро нацепил на лицо гримасу радушия. Вышло, полагаю, неважно – актер из меня так себе.

За портфелем в проеме возникла невысокая, но крепко сбитая мужская фигура из тех, о которых говорят «старичок-боровичок». Слегка волнистые иссиня-черные волосы с редкой проседью эффектно обрамляли породистое лицо, на котором играло странное для такого возраста озорное выражение.

– День добрый, – провозгласил он, уложив портфель на полку, и, протянув руку, представился: – Владимир, ваш сосед до Шепетовки.

– Андрей. – Я ответил рукопожатием и, заулыбавшись уже по-настоящему, еще раз окинул взглядом колоритного попутчика. Этаким благообразный хитрован лет шестидесяти с выразительной мимикой и прущей наружу харизмой. Напоминает того русского попа из анекдота, который на сельской свадьбе на вопрос: «Что пить будете, батюшка, – водку, вино?..» – жизнерадостно отвечает: «И пиво!»

«Не самый худший вариант попутчика, лишь бы не храпел», – успокоившись, решил я.

Минут через тридцать, когда проводница окончательно убедилась в нашем праве занимать места и, получив заказ на два чая с лимоном, удалилась, Владимир достал из портфеля нарезку твердокопченной колбасы, по виду – брауншвейгской, хлеб и банку греческих маслин. Финальным аккордом стали извлеченные жестом фокусника бутылка кальвадоса «Буляр Х.О.» и две допотопные рюмки с потертыми золотистыми ободками по краям, никак не вяжущиеся своим внешним обликом с благородным напитком.

– Прошу без лишнего стеснения, – веско сказал сосед, решительно сворачивая бутылке голову и ловко наполняя сосуды. – Если нет медицинских противопоказаний, конечно. Воспользуемся отсутствием дам.

По купе поплыла ароматная симфония легких коньячных нот с отчетливым яблочным оттенком. Я с благодарностью улыбнулся госпоже Удаче. Вот уже года два, как у меня длится «кальвадосный период», и я, перебрав несколько вариантов, пришел в итоге к тесной дружбе именно с данным сортом. Иногда крепость наших отношений проверялась моими легкими интрижками с другими «Х.О.» и «V.S.O.P.», но каждый раз я убеждался, что время для окончательного разрыва еще не пришло.

– Э-э-э... Да я как-то не захватил с собой ничего для адекватного алаверды... – протянул я неуверенно.

– Бросьте, Андрей. Все это, – небрежно махнул он рукой, – мелочи, не стоящие того, чтобы из-за них комплексовать. Смело пользуйтесь тем, что Бог послал. Кстати, вы знаете, что использованное вами слово «алаверды» как раз переводится с тюркского как «Бог дал»?

– Интересно... Нет, не знал. – Я перестал ломаться и завладел тем ломтиком колбасы, который сильнее всего подманивал меня зазорным блеском своих сольных крупинок. И ведь не сказать, что голоден, но слюна на перекус в купе выделилась сразу – рефлекс с детства. С другой стороны, сидеть и кукуться тоже глупо.

Подхватил рюмку, изобразил привычное круговое движение и вдохнул аромат:

– Божественно... И жизнь хороша, и жить хорошо. Ваше здоровье, Владимир.

– За встречу, – охотно поддержал он и, артистично чокнувшись, одним глотком отправил содержимое рюмки в себя. С акцентированным пристуком опустил рюмашку и веско добавил: – Жизнь – штука странная, иногда и случайная встреча в вагоне может ее изменить.

Это был намек, но тогда я его не понял и промычал в ответ что-то нейтральное.

9 июля 2015 года, 23:15

Россия

– ...сам подумай, – энергично напирал оппонент, азартно постукивая ногтем по краешку стакана, – в Штатах два процента населения, работающего в сельском хозяйстве, легко кормили всю страну, а в СССР двадцать процентов трудились в совхозах и колхозах – и был дефицит продовольствия. В десять раз больше, а все равно страну накормить не могли! О чем тут спорить?

– Не, Володь, ты не прав. Дьявол – в мелочах. – Для большей убедительности я почему-то ткнул пальцем вверх. – Во-первых, кого считать аграрием. У нас учитывали весь списочный состав колхозов, включая нянечек в детском саду, медсестер, сторожей, шоферов и бухгалтеров, а за бугром – только непосредственно работающих на полях или с живностью.

Я перевел дух, глотнул с донышка настоявшийся на лимоне чай и, оставив стакан, продолжил:

– Во-вторых, климатические условия у нас сильно различаются, поэтому и результаты несопоставимы. В Штатах только один процент посевов находится в зоне недостаточного увлажнения. В СССР таких было почти шестьдесят процентов, а остальное и того хуже – в зоне рискованного земледелия. Если корректно учесть влияние природных факторов, то производительность труда в сельском хозяйстве в СССР была где-то на пятнадцать – двадцать процентов ниже, чем на Западе, но никак не в десять раз. И обусловлено это было нашим отставанием по уровню механизации.

Володя слушал вежливо, не перебивая, но мимикой выразительно изображал свое категорическое несогласие.

– Ну и в-третьих, – я победно улыбнулся своему партнеру по интеллектуальному фехтованию, – в магазинах да, было пусто, но в холодильниках-то – густо! Голодных не было. Хлеб чуть ли не бесплатный, молоко и картошка – копейки, основные продукты – в достаточном количестве и очень дешево. Разнообразие продуктов не хватало, но чтобы кто-то систематически именно голодал... – Я развел руками, демонстрируя недоумение.

Выпитое напомнило о себе с предельным коварством: мой локоть отправил в полет стоявший на краю стакан.

– Тьфу ты, довыступался, – ругнулся я, приступая к ликвидации последствий.

«Хорошо, что спор идет без осатанелости. Обычно дискуссия на такую тему на третьей фразе срывается в «сам дурак», – думал, выцарапывая подстаканник из-под полки. – Не переболело еще...»

– Ну да, ну да, – ухмыльнулся Володя, когда я выполз из-под стола на свое место. – Вот спасибо, голода не было. А овощегноилища помнишь? Третью урожай теряли на хранении. А какой картофель в продаже был? Гнилой и на четверть веса глины!

– Было дело... – задумчиво протянул я, вспоминая редкие эпизоды ночных разгрузок вагонов на овощебазе. В памяти всплыли сладковатый запах картофельной гнили и прыжок рассерженной крысы на опрометчиво протянутый палец. А как спать тогда хотелось...

«Пора, однако, на боковую», – подумал я, провожая взглядом плывущую за окном тьму. Сразу навалилась легкая усталость, а азарт спора начал быстро улетучиваться. Я подвел, больше для себя, итоги:

– Говорить, что СССР развалился из-за того, что люди недополучали благ, э-э-э... – Я замялся, пытаюсь подобрать выражение повежливей. Не скажешь же малознакомому собеседнику в лицо: «Ты глупость говоришь». – Не совсем логично.

Володя с ироничным пониманием покивал моей заминке.

– Страну развалили не низы, которые порой испытывали определенные материальные лишения. Последние лет десять сельское хозяйство действительно не справлялось, шло ухудшение ситуации. Но эта замятня была инициирована той частью элиты, которая имела все. Именно поэтому бессмысленно вспоминать, «как мало было колбасы». Как раз те, кто раскачал систему и пустил ее вразнос, колбасы имели навалом. Не в том причина. А так... Все было, и плохое тоже было. Но почему же почти всем, жившим в те годы, так упорно кажется, что вместе с грязной водой выплеснули и ребенка? Все могло произойти иначе, если бы не череда ошибок и случайностей. Распад страны уж точно не был предопределен историей, существовали иные варианты.

– А без ошибок не бывает исторического процесса. Все ошибаются.

– Это да... Знал бы прикуп – жил бы в Сочи. Если бы хоть кто-то точно знал, – выделил я голосом последнее слово, – к чему все это приведет, историю можно было бы развернуть в другую колею.

– Навряд ли, – со скепсисом откликнулся Володя. – Исторический процесс обладает инерцией разогнавшегося катка. Один человек для него – что тля под кузнечным прессом. Ничего бы ты не сделал, даже обладая всеми знаниями сегодняшнего дня. Я имею в виду, ничего, что смогло бы радикально изменить историю хотя бы одной страны.

Я откинулся назад, обхватив плечи руками, и задумался над этой гипотетической ситуацией. Володя тем временем вновь наполнил рюмки и, порывшись в бездонном портфеле, достал и разделил молочную шоколадку.

– Пожалуй, я бы поспорил с таким утверждением. Я бы взялся, да кто ж предложит... – грустно пробормотал я, закусывая.

– Что, – недоверчиво хмыкнул Володя, – вот прямо так бы все бросил и взялся?

– Угу. Согласный я. О дайте, дайте мне возможность! – запрокинув голову к тускло мерцающему потолочному плафону, фальшивя, напел я.

В глазах у Володи что-то мелькнуло, и он замер, наклонив голову набок и раздумывая. Потом неожиданно резко подался вперед и жестко рубанул ребром ладони по столу:

– Договор.

– Что? – не понял я.

– Договорились, говорю. Пробуй.

– Не смешно, – фыркнул я.

– Согласен, не смешно. Но смешно и не должно быть, – сочувственно прозвучало в ответ.

Попутчик снова принял расслабленную позу и сделал кистью какой-то круговой пасс с потягиванием на себя. Я протрезвел и ошалел.

С минуту мы сидели молча, глядя друг на друга: я – застыв в наклоне вперед, а он, напротив, – небрежно откинувшись на подушку в тени верхней полки. Мысли в голове внезапно

устроили подобие шабаша, словно каждая извилина попыталась докричаться до сознания независимо от остальных. Я отстраненно любовался тем, как хаотично возникающие идеи сталкивались и разлетались на фрагменты, из которых складывались новые причудливые комбинации желаний и образов. Затем досадливо тряхнул головой, призывая мозг к порядку, и, добившись хотя бы видимости равновесия, смог вернуться во внешний мир.

– Договор – это было утверждение или вопрос? – спросил я внезапно севшим голосом.

– Пусть будет вопрос. Рассматривайте как оферту, – мягко, с каким-то прорезавшимся легким акцентом перешел собеседник на «вы». – Есть возможность... и воспользоваться ею вы можете до Шепетовки. Через двенадцать с половиной часов мы по-любому расстанемся.

Я побарабанил пальцами по столу, раздумывая. Очень хотелось поверить, и одновременно очень страшно обмануться, поверив. Но мгновенное протрезвление от пасса рукой? Как врач, я знал, что такое не может быть фокусом. Да и что теряю? Я устроился поудобнее:

– Расскажите подробнее. Кто вы, Володя, на самом деле, зачем вам это надо, как вы собираетесь это обеспечивать. И... продемонстрируйте что-нибудь еще, что ли...

Собеседник внимательно взгляделся в мой левый глаз, что-то там выискивая, потом кивнул какой-то своей мысли и, немного помолчав, начал:

– Во-первых, я не «кто», а «что». Явление в процессе... – он покрутил кистью в воздухе, подбирая слово, – самосборки...

10 июля 2015 года, 10:10

Украина-1

– Я решил. Март семьдесят седьмого, в меня.

Сразу резко полегчало. Я махнул в себя рюмку и впился в сочное бедрышко цыпленка. Пока жевал, в разом опустевшей голове вертелось навязчивое: «Сегодня я в последний раз побрился».

Минут через пять тщательно протер руки салфеткой и с надеждой посмотрел на существо напротив:

– Готов.

– Не будем тогда затягивать. Удачи нам, – улыбнулось оно уголками рта, театрально развело руки, слегка хлопнуло в ладоши и начало быстро блекнуть. Сквозь тело проступил рисунок стенки, подушки и смятого одеяла на полке, как будто кто-то оконтурил изображение фигуры в фотошопе и потянул за бегунок прозрачности. Я удивленно моргнул, и через мгновение в купе не осталось никого, кроме меня.

Черт! Захотелось завывать от отчаяния. Спину сторбило навалившейся тяжестью, и резкая колющая боль раскаленным жгутом прошла левую руку от плеча до мизинца так, что перехватило дыхание и выдавило слезу.

Не повезло. Чудо прошмыгнуло мимо, лишь чуть заметно колыхнув воздух вокруг. Мне выпала горькая доля доживать здесь. Представил тянущиеся теперь передо мной глухие окольные темные тропы и разочарованно вздохнул поглубже: «Что ж... Пусть так, принимаю жребий».

Подвигал плечом, пытаюсь разогнать отголоски боли, подрагивающей рукой вылил в рюмашку остатки янтаря, поднял и повернулся к зеркалу:

– За тебя, Андрюш. Пусть тебе там повезет. Прозит.

10 июля 2015 года, 10:10

Украина-2

– Не будем тогда затягивать. Удачи нам, – улыбнулось оно уголками рта, театрально развело руки, слегка хлопнуло в ладоши, и все вокруг начало быстро блекнуть. Я изумленно

посмотрел, как сквозь стенку купе и тело напротив стремительно проступает какой-то приближающийся рисунок.

«Словно в фотошопе прозрачность...» – начала формироваться мысль, но в этот момент нечто, несущееся навстречу, шмякнуло в лоб, вышибая сознание. Последнее, что ощутил, – задирающиеся вверх ноги и неловкое падение в какой-то провал.

Глава 1

15 марта 1977 года, 15:25

Ленинград, Измайловский проспект

Сквозь царящий в голове болезненный гул тяжело продавливались какие-то звуки. С трудом приоткрыв глаза, взгляделся, пытаюсь разобраться в плавающих передо мной пятнах темно-оливкового цвета. Ничего не разглядел. В памяти всплыла цитата: «Трясущейся рукой провел по бедру, чтобы определить, в брюках он или нет, и не определил».

«Если могу мыслить цитатами, значит, существую». – Я криво усмехнулся и попытался различить, где верх и где низ. Внезапным рывком, словно кто-то крутанул объектив, окружающая реальность приобрела пугающую резкость и глубину. Я, голый и мокрый, лежу на полу в позе запутавшейся в своих лучах морской звезды. Темная шероховатая поверхность перед глазами – дно чугунной ванны, вот ножка торчит, а дальше – кусок линолеума и подергивающаяся дверь. Значит, верх – вон там...

Шипя, расплел ноги, выдернул из-под себя руку и предпринял попытку сесть. Голова резко, до темноты в глазах, налилась тяжестью, и навалилась дурнота. Спустя пару мгновений мир еще раз сжалился надо мной, и стоявший в ушах шум расслоился на узнаваемые звуки. Кто-то дергал с той стороны дверную ручку и испуганно, на грани паники, кричал:

– Андрюшенька, что с тобой?!! Господи, открой дверь!

– А-а-а... – Я попытался подать признаки жизни. Из горла вырвался какой-то хрип. – Сейчас... – Со второй попытки удалось произнести слово громче.

Дверь перестала дергаться, и мамин голос (ну конечно, как я сразу не узнал?) взволнованно зачастил:

– Ну что там у тебя случилось?! Ты упал? Давай открывай скорее! Ничего себе не сломал?!

– Подожди... Сейчас, – повторил я, борясь с подступающей дурнотой. Наконец удалось неловко сесть, привалившись спиной к холодному кафелю, и подтянуть под себя непривычно безволосые ноги.

«Ну да, – обвел я глазами помещение, – узнаю. Ванная на старой квартире. Все верно, без обмана». С облегчением на секунду прикрыл глаза и, криво улыбаясь, перевел дух. Потом поднял руку и сорвал с трубы висевшее надо мной полотенце.

– Сейчас, мам, – произнес уже окрепшим голосом. – Сейчас...

За дверью притаилась встревоженная тишина. Мама прислушивалась, пытаюсь определить тяжесть полученных мной повреждений и их совместимость с жизнью.

Встать удалось неожиданно легко. На пару секунд замер перед зеркалом: там кривилось в гримасе смутно узнаваемое детское лицо. Справа на лбу – косая ссадина, на глазах набухающая кровью. Длинные темные сосульки мокрых волос, узкие плечи и худая шея над выступающими ключицами.

«Да, красавец... Ладно, потом налюбуюсь. – Повернулся к двери и запахнул вокруг себя полотенце. – Черт, защелка как неудобно высоко висит...»

Наконец удалось справиться с замком, и в ванную ворвался перевозбужденный вихрь. Меня за пару секунд осмотрели, ощупали, встряхнули, отругали, пожалели и попытались опросить. Организм возмутился. Почувствовав неладное, я прошмыгнул мимо мамы, сделал несколько быстрых шагов по коридору, придерживая полотенце левой рукой, рванул дверь – только бы успеть! – и согнулся над унитазом.

«Молодцá, – подумал, оторвавшись на пару секунд от увлекательного занятия. – Успел».

Спустя минут пять меня водворили в койку. Ссадина под горестные мамины причитания смазана йодом и залеплена лейкопластырем, а поверх расцветающего синеватым велико-

лепием шишака возложена обернутая вафельным полотенцем грелка с ледяной водой. Мама удалилась, и я с интересом приступил к изучению своей комнаты.

На стене над кроватью – темно-багровый ковер с абстрактным рисунком и кисточками по краям. Пылесборник, надо будет избавиться при случае. На противоположной стене уступом расположились три книжные полки, на нижней из них – горшок с тощим аспарагусом. На полках выстроились узнаваемые корешки, среди которых разноцветным орнаментом выделяется «Тысяча и одна ночь» и монументальностью – «Одиссея». Сверху – истертая стопка «Искателя». Под полками на свисающей холстине наколота коллекция значков с гербами городов СССР. Периметр высокого потолка обрамлен золотисто-бронзовым резным багетом, а в центре, под фигурной розеткой, повисла трехрожковая люстра. Все узнаваемо, особенно запах родного дома.

Расслабившись, устало закрыл глаза и стал перебирать в уме события последних часов. Ну что ж, теперь я точно знаю, что небывалое бывает.

Из плюсов – чудесное перемещение в детство, как и обещали. Мне сейчас сколько? Мм... Четырнадцать, через пару месяцев будет пятнадцать. Чудный возраст, здоровое тело, хорошая социальная среда, любящие родители, полное отсутствие серьезных проблем. Как я это не ценил! Мечтал побыстрее окончить школу. Казалось, что жизнь в школе неполноценна, а вот потом...

«Идиот. Был идиотом, – мечтательно улыбнулся я. – Теперь встал на путь исправления».

Еще один плюс – способ внедрения. Володе лобовое столкновение со стеной прощаю, так и быть. На сотрясение мозга спишу неизбежные ляпы при адаптации и внезапное повзросление. Ну не смогу я, старый циник, достоверно отыгрывать ребенка. Буду крутить хвостом, заматывая следы, и кивать на травму.

Из минусов – ничего из обещанных способностей. Глухо как в танке. Я сосредоточился и попробовал еще раз толкнуть несколько образов, как делал тогда, в купе. Ничего, пусто. Абсолютно. Ни возможности обращения к памяти реципиента, ни брейнсёрфинга.

Уже пора паниковать или еще немного подождать? Что это – неудачная пересадка сознания или временный сбой из-за травмы?

Без памяти реципиента я буду первые недели выглядеть полудебилом. Как бы из одной спецшколы, с углубленным изучением английского, не загреметь в другую, для дефективных. Вот будет начало карьеры, зашибись...

За тридцать пять лет из памяти выпала масса сведений. Ну, предположим, в районе не заблужусь. В школе – тоже. Но, черт побери, я не помню имена и отчества половины учителей, большую часть нынешних кличек одноклассников и их привычки, особенности отношений. Не помню свою одежду и где она лежит... Какая из зубных щеток в ванной – моя? Блин... А почерк? Если почерк изменился, то пиши пропало. Учителя наши каракули узнают влет.

А самое палево – не помню, чего в восьмом классе категорически не мог знать. К примеру, английский язык... Сейчас я им владею явно лучше, чем в конце восьмого класса, – несколько лет жизни за границей даром не прошли. Эльвира же мой текущий уровень представляет хорошо. У учителя английского от силы сорок учеников зараз, видимся каждый день да не первый год, всю подноготную мою помнит, все любимые ошибки. А вот я – нет. И как объяснить резкий скачок в разговорном английском, изменение произношения – фиг его знает. Зато грамматику сейчас завалю – сложно завернутые фразы в реальной жизни встречаются редко. Ума не приложу, что делать, ни одной разумной версии...

Дверь приоткрылась, в проеме возникла мама с подносом:

– Сынуля, может, пообедаешь? Супчик куриный погрела. А я в поликлинику потом сбегаю, вызов участковому оставляю. Как ты себя чувствуешь? Не тошнит больше? Как голова?

Пока мама хлопотала вокруг, пытаюсь помочь усесться, взгляделся в ее черты. Она же сейчас, получается, младше меня лет на пятнадцать. Если взять те критерии, по которым я оце-

нивал женщин еще сутки назад, – молодая красивая женщина. Очень необычно, очень непри-
вычно, особенно если учесть, что я видел ее всего неделю назад.

– Спасибо, мам, поем. Вроде ничего, голова побаливает да кружится немного. Но хуже
не становится – это главное. Отлежусь за два-три дня.

– Ох, а контрольные четвертные? – Мама испуганно округлила глаза. – У тебя же завтра
физика и сочинение? Как же тебе оценки за четверть выставят?

– Ну представь, что у меня аппендицит случился. Или ногу бы сломал. Как учился в чет-
верти, так и выставят, – ответил я, лихорадочно соображая: «Точно, последняя неделя марта –
каникулы. Раз мне предстоит в ближайшие дни четвертные контрольные, значит, сейчас идет
неделя перед каникулами. Надо косить до них – чем больше времени будет на адаптацию,
тем лучше. Интересно, какой сегодня день недели?»

Мама расстроенно покачала головой и оставила меня наедине с обедом. Так-с, куриный
супчик с лапшой, картошкой и морковкой – первая проба пищи в двадцатом веке. Повел носом,
втягивая туманящий разум аромат, одновременно прислушиваясь, не усиливается ли дурнота.
Вроде таможня дает добро – вон как живот голодно заурчал. И я замолотил ложкой.

Минут через десять довольно потянулся, сыто откинувшись на подушку. Молодой орга-
низм с энтузиазмом метнул в себя две порции супа и не отказался закусить булкой с плавлен-
ным сыром «Янтарь».

Ну что я могу сказать... Никакого сравнения, конечно: все вкусы и запахи стали ярче
и объемнее, чем были еще сутки назад. Случайно раскушенная горошинка перца взорвалась
во рту таким болезненным жжением, что пришлось быстро захлебывать ее бульоном. Значит,
это не еда стала лучше, а обострилась чувствительность. Правы те, кто говорят о притуплении
с возрастом вкусовых и обонятельных рецепторов. Видимо, именно поэтому с годами люди
постепенно переходят на все более крепкий чай, кладут больше специй и могут смаковать
коньяк и виски.

Вот и еще один плюс обнаружился. В ближайшие десять лет лишний вес мне априори
не грозит, можно от души пожрать. Это будет славная охота...

Хлопнула входная дверь: мама умчалась в поликлинику. Самое время выйти на разведку.
Сбросил со лба грелку, надел вытянутые в коленях темно-синие тренировочные штаны, майку,
нацепил на ноги войлочные тапки и осторожно двинулся к выходу из комнаты.

Первым делом – на кухню. На холодильнике должны быть свежие газеты. Ну вот, прикуп
и определился. 15 марта 1977 года, вторник, полтретьего.

На что можно рассчитывать от медицины при сотрясении мозга? Три дня постельного
режима. Среда, четверг, пятница.

Я радостно ухмыльнулся. Просто праздник какой-то, до каникул – на справке. Ха!
Не очень-то в школу и тороплюсь.

Довольно насвистывая, огляделся по сторонам. На подоконнике рядом выстроились
баночки из-под майонеза. В каждой торчит по луковице, выбросившей вверх дружные зеленые
стрелки. В трехлитровой банке с затянутым марлей горлышком медузой висит чайный гриб.
Не удержавшись, я налил полстакана светло-желтого, шипящего пузырьками напитка, добавил
пол-ложки сахара, размешал. Эх... Давно забытый вкус.

За окном непривычно пустой Измайловский проспект. За минуту, что я вглядывался
в заоконье, проехали лишь четыре машины – два бледных, будто выцветших, «жигуля», темно-
зеленая хлебовозка и синяя с белой диагональю «почта» – да прогрохотал желтый трамвай
с облупившимся штурвалом тормозной колонки на задней площадке. На растяжке поперек
проспекта подергивался на ветру красный трафаретный профиль Ленина. Проезжая часть
и тротуары на удивление чисты, но фасады зданий напротив выглядят мрачновато из-за нако-
пившейся на стенах копоти и давно не крашенных темных рам. Никаких кричащих вывесок

или рекламы, лишь лаконичные: «Вино-Водка», «Булочная» и вдали, ближе к собору, «Диетическая столовая» и «Почта».

Оторвавшись от окна, полез с обыском в холодильник, на котором памятью о прошедшем Восьмом марта маячила в хрустальной вазе осыпающаяся веточка мимозы. Так-с, эмалированный бидон с молоком, пол-литровая банка сметаны, яйца, масленка, сырница, запечатанная зеленой фольгой бутылка с чем-то кисломолочным, кастрюля с уже отведенным супом, яркая чугунная гусятница с тушеной говядиной и поставленный в кастрюльку алюминиевый душлаг с откинутыми отварными макаронами подозрительно серого цвета.

Не удержавшись, выудил сметану и протестировал продукт.

– Зачет, – промурлыкал я, довольно облизывая ложку. – А жизнь-то налаживается!

В прихожей быстро провел ревизию шкафа и вешалки. Определить, где моя одежда и обувь, было не сложно – я сейчас сантиметров на двадцать ниже отца. М-да... И вот это придется носить?! Нет, все чистенькое, не вытертое, не заштопанное, но все такое... такое... простое и безыскусное. Как с китайского рынка десятилетней давности. Закрыв дверцу шкафа и удрученно вздохнул. Придется привыкать. Одна надежда на то, что на общем фоне не буду выделяться в худшую сторону. Насколько помню, я еще неплохо одевался.

В комнате родителей только огляделся. В конце концов, ничего нового я там не увижу, только хорошо забытое старое. Телевизор «Рекорд» на тумбочке бара, недавно купленный чешский гарнитур с темными полированными поверхностями, пара кресел, журнальный столик и застеленная тахта. За стеклянными дверцами серванта громоздятся хрустальный сервиз и другая посуда – эдакая выставка достижений семейного хозяйства. И книги, книги в большом количестве – обязательный атрибут «приличной» квартиры. Чем больше книг, тем она приличнее. Справедливости ради надо заметить, время покупать книги «для мебели» еще не пришло: все приобретенное честно читалось всей семьей.

Добравшись до трюмо в прихожей, смог наконец спокойно себя оглядеть. Из зеркала на меня внимательно смотрит длинноногий подросток. И что я комплексовал из-за оттопыренных ушей? Ни фига не оттопырены, нормальные груздочки.

Густые темно-русые волосы непривычно длинные, никаких признаков будущих залысин. Надо что-то сделать с прической, отвык я от патл, почти целиком закрывающих уши. Конечно, помню, что мода такая была, и за право носить каждый дополнительный сантиметр волос происходили Фермопилы, но, может быть, мне в этой битве капитулировать?

Прямой лоб, чистая кожа. Слава богу, юношеские прыщи никогда не являлись моей проблемой. Брови... Я погримасничал немного: брови легко заламывались выразительным домиком. Неплохо.

Глаза серовато-зеленоватые, неравномерной окраски, с прямыми, как стрелки, неяркими ресницами. Смотрят серьезно и немного исподлобья. Нос как нос, обычный. Не большой, не маленький, не картошкой и не вздернутый, без горбинки.

Губы... Губы хорошие – девушкам нравились, а подбородок они называли решительным. Вспомнив о девушках, я мечтательно заулыбался и решил не привередничать. Внешность в мужчине – не главное, лишь подспорье. Оно у меня есть, и ладно. Отодвинулся и окинул себя взглядом еще раз.

«В целом приличный материал, жить можно», – решил я, направляясь назад в свою комнату.

Добравшись до письменного стола и начал рыться в ящиках в поисках фотоальбома. Предстояло восстановить в памяти лица друзей, подруг и учителей, попытаться вспомнить их имена... Альбом нашелся в итоге не в ящиках, а на боковых полках. Я сдул с него пыль и направился к кровати, по дороге сбросив в кресло одежду.

Забился под одеяло и свернулся клубочком, пытаюсь согреться. Немного подташнивало, слегка знобило, усилилась головная боль. Все же шмякнулся об стенку солидно, действительно

не помешает полежать пару дней. С этими мыслями начал расслабляться, и тут меня осенило, да так, что застонал:

«Шестидневка, мать ее! Здесь же суббота – рабочий день в учебных заведениях. – Я еще раз мысленно пересчитал дни недели. – Значит, в субботу мне в школу...»

В задумчивости потрогал заклеенную лейкопластырем шишку. Ну ничего не поделаешь, надо опять выползти из норы. И я закружил по комнате в поисках портфеля. Ага, вот он, почему-то между столом и стеной.

Устроившись поудобнее в кровати, извлек из портфеля дневник и чуть покачал им в воздухе. Интуиция подсказывала, что я сейчас узнаю о себе много нового и интересного. Опасливо открыл. «Почерк – как кура лапой» – обо мне. Как же, помню, но не думал, что все было так ужасно. Корявые буквы разной высоты пьяно шатались в строю, словно революционные матросы после экскурсии по винным подвалам Зимнего.

Красными чернилами крики души: «Качался на стуле», «Опять качается на стуле», «Пришел без сменной обуви»... Что значит «плевался на перемене!»? А, жеваной бумагой из трубочек. Интересно, а в меня тоже... плюются?! Что-то я не уверен в своей способности перенести подобное без ответного членовредительства...

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления.

Полез в конец дневника. «Тройки» и «четверки» в четвертях по английскому, русскому и литературе, рисованию и труду. Да, писателем или художником мне не быть... Остальное, слава богу, – «пять».

Пролистал до текущей недели. В субботу меня поджидают геометрия, химия, физкультура, английский и биология, потом классный час.

Отложив дневник, взялся за учебники. Что хоть учим-то в этом сезоне?

Отлично, по биологии – анатомия и физиология человека. Я радостно фыркнул, верхнее медицинское мне в помощь. По химии – неорганика. Сверившись с изредка встречающимися в дневнике заданиями, определил изучаемые в третьей четверти темы: галогены и группа кислорода. Ха-ха, всего тридцать страниц в учебнике, за час вспомню.

– Эту неприятность мы переживем, – немзыкально напел я и с тревогой взялся за учебники по геометрии и алгебре.

Ы-ы-ы... Как чувствовал! Теоремы косинусов и синусов, вписанные и описанные многоугольники, квадратные уравнения. А слова-то какие! Дискриминант, теорема Виета, разложение квадратного трехчлена. На последнем я хихикнул, потом взгрустнулось. Может, в школе я это и сдавал в свое время на «пять», но сейчас к такому подвигу не готов категорически.

– Что ж вы, товарищ Барсуков, – ласково говорю обложке, – такой курс написали сложный-то?

Шутки шутками, но светит мне все каникулы изучать алгебру с геометрией заново...

С русским еще хуже. «Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельствами степени и образа действия», «сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельствами следствия, цели и сравнения». Это же филология, в восьмом-то классе... Ужасик. Что-то мне видится неправильным в обучении детей грамоте через тонкое знание морфологии языка. Верно Алла Борисовна спела: «Нынче в школе первый класс вроде института», святая истина.

На таком фоне программа по физике выглядела стройной и лаконичной: второй и третий законы Ньютона, закон всемирного тяготения, момент силы, закон сохранения импульса. Готов за день выучить.

Итак, алгебру и русский придется восстанавливать на каникулах. Грустно, девушки. Кстати о девушках... Нет, стоп, поручик, первым делом – самолеты. Я волевым усилием сначала отогнал горячащие мысли о непотребном на задний план, а потом и вовсе выкинул их из головы. Сейчас есть задача поважнее.

Откинувшись назад, задумался. За неделю каникул, конечно, начитаю всю программу года по всем предметам. Все-таки учиться – тоже навык, и если у школьников он еще недоразвит, то к окончанию института отполирован до блеска. Как езда на велосипеде – если уже научился, то не разучишься.

А вот суббота меня напрягает. Может, аггравировать симптомы? Опасно, можно загреметь в больницу, чего категорически не хочется. Ладно, биологию я и сам могу вести, химия страха не вызывает, геометрию придется выучить – в конце концов, там всего сорок страниц. Осилю за три дня. А вот с английским надо что-то придумывать, там могу проколоться на слишком хорошем знании, и объяснить это будет сложно.

Вздыхнув, сложил учебники в портфель и взялся за изучение прихваченной с кухни стопки газет. «Правда», «Красная звезда», «Советский спорт» и недельной давности «Литературная газета». Сверху – вырезка из какой-то газеты с программой телепередач. С нее и начал.

Итак, сейчас идут «Отзовитесь, горнисты». Затем в течение получаса будут идти, хм, «Рассказы о ПТУ». Нет, спасибо, не надо... Дальше целых полтора часа классической музыки: сцены из опер Скрябина, Мусоргского и Глинки. В прайм-тайм... Обалдеть. В двадцать один – «Время». Потом фильм о Мравинском – и все, конец передач по первой программе.

Да, негусто. Интересно, это осознанная политика, чтобы люди у телевизора не жили, или власти на самом деле не понимают, как с толком использовать такой мощный ресурс? Вот и первая тема на обдумывание.

Я потянулся к «Правде», и тут в коридоре резко затрезвонил телефон.

– Алло.

– Ну что, поел? – решительно раздался из трубки незнакомый девичий голос и продолжил, не дожидаясь моего ответа: – А я стрижку сделала, завтра увидишь. Под Мирей Матье. Как ты думаешь, мне такая идет?

Началось! Мгновенно взмокнув, я поволок телефон в комнату, на ходу лихорадочно перебирая в уме варианты ответа. Версия, что кто-то перепутал номер, не принимается.

– Ну если ты споешь так же, как она, то даже короткий «ежик» будет неплохо смотреться, – осторожно забросил я ответ.

– А? Короткий «ежик»? А это идея... – В трубке колокольчиком разливается смех. – Эриковна заикой сделается, меня увидев.

– Да, популярность будет тебя преследовать. Не будешь знать, куда от нее спрятаться, – подтвердил я, пиная зацепившийся за край двери телефонный шнур.

– Сейчас, погоди, я чай заварю... А то еще не ела после школы...

Смутные подозрения начали оформляться в гипотезу. Да, этот голос я не слышал тридцать пять лет, но интонации припоминаю. Да и кто еще мог мне так звонить?!

Это Света Зорько. Умненькая, веселая и некрасивая девочка, по какой-то неведомой причине избравшая меня в восьмом классе в качестве объекта любви и сохранившая верность своему выбору до конца школы. Потом пути-дорожки разошлись, и я с облегчением выдохнул. По слухам, Зорька вышла замуж и родила сына. В школе мне, к счастью, удавалось удерживать ее на расстоянии вытянутой руки и даже чуть дальше, но нервов на это ушло немало.

– Слушай, – начинаю я вкрадчиво, – у меня тут неприятность.

– Что, опять? Во что теперь вляпался?

– Э-э-э... Судя по всему, в сотрясение мозга.

Интересно, что она имела в виду под «опять?»

– Ой... Как угораздило?

– Классически. Поскользнулся, упал, очнулся – ан гипса-то и нет. Зацепился за бортик ванны, вылезая из душа, и спикировал головой в стену напротив. Теперь лежу, жду врача, мама в поликлинику побежала.

– Я сейчас приеду!

Меня еще раз окатило холодным потом. Только не это...

– Стой! Не надо. Я себя плохо чувствую, голова болит и все такое. Сейчас с тобой поговорю и спать завалюсь. Скорее всего, меня врач на три дня дома оставит. Значит, я выйду в школу в субботу. Напомни, – добавляю в голос просительных ноток, – у нас там что из контрольных будет? А то у меня в дневнике ничего не записано.

– В твоём дневнике – да чтоб что-то было записано! Сейчас... Летучка по геометрии, контрольная по химии и темы по английскому. Кстати, не забудь тогда в субботу принести книгу, что обещал на каникулы.

– Какую книгу? – спросил я, нервно сглотнув.

– Ты не придирайся. Обещал – значит, неси.

Думай, голова, думай... Нет, не угадаю.

– Слушай, напомни...

– Ты что, головой стукнулся?

– Ты запомнила, правда? – восхищаюсь я.

– Андрюх, – на выдохе с ужасом в голосе, – ты что, серьезно?

Так, надо использовать ситуацию. Насколько я помню, она ради меня в фолгу была готова раскататься. Столько мне не надо, но от небольшой товарищеской поддержки не откажусь. Жаль, не скажу точно, «Джентльмены удачи» уже вышли на экраны или нет.

– Обещаешь молчать? Я даже маме пока не говорил.

– Да-да, обещаю! Давай колись, – запритопывала подружка от нетерпения на том конце провода.

– Только чтобы действительно молчок, по-серьёзному. Не хочу родителей огорчать. Короче, у меня от удара легкая амнезия развилась.

– Тут помню, тут не помню? – откликнулась паролем Света.

Ага, значит, вышел фильм. Тем легче, концепция посттравматической амнезии в массы внедрена.

– Знаешь, странное ощущение. Как будто память на кусочки разбилась, разлетелась и сейчас складывается постепенно обратно. Большинство уже встало на место, а некоторые ещё нет. Надеюсь, что пазл соберётся, пока я отлеживаюсь, но некоторые вещи сейчас действительно не помню.

– Пазл?

Черт, слово не в ходу сейчас. Внимательней, Андрюха, внимательней...

– На Западе так называют головоломку, когда картинку режут на фрагменты, мешают, а потом их надо собрать в правильном порядке. Короче, какую книгу тебе обещал принести, я действительно не помню, – улыбнулся в трубку.

– Ты мне «Пером и шпагой» обещал.

– Ага, хорошо. Сейчас поговорим, найду и в портфель положу. Так... А какие темы по английскому надо учить?

– Знаешь... – задумчиво отозвалась трубка. – Я сегодня, так и быть, не поеду, но завтра после школы точно зайду, что-то ты совсем плох стал. И лучше бы тебе все самому вспомнить к моему приходу!

– Ой, уже боюсь, – заулыбался я. – Ты ж на раненого руку-то не поднимаешь? Ладно, договорились, буду стараться. Давай, Зорька, теперь ты спокойно попьешь чай без телефонной трубки у уха, а я полежу.

– Как ты опять меня назвал?! – взвилась Света на том конце, словно укушенная оводом.

– А что, Зорька – очень красивое имя, мне нравится.

– Так коров зовут! Ты хочешь сказать, что мне идет коровье имя?! Может, ты у меня еще что-нибудь общее с ними видишь?!

– Все-все, – я стремительно капитулировал, – пожалей больного на голову. Ну извини, пожалуйста. Я действительно не хотел тебя обидеть. А имя и правда красивое.

Трубка немного помолчала, потом неуверенно переспросила:

– Ты это что, у меня прощения сейчас попросил?

– Ну да, почему нет, раз тебя обидел...

Еще немного помолчав, Света с чувством выдохнула:

– Ты запомнил, об какую плитку ударился? Пометь ее, пожалуйста, прямо сейчас, пока не забыл, – она волшебная. Иначе потом придется искать методом проб и ошибок, а голова у тебя только одна.

Из прихожей донеслись звуки открывающегося замка. Приглушив голос, я доложил:

– Мама пришла. Давай до завтра, удачи в школе на контрах, ни пуха ни пера.

– К черту, тьфу-тьфу-тьфу. Выздоровливай быстрее.

Аккуратно положив трубку на аппарат, я задвинул телефон под кровать и шмыгнул под одеяло. На пороге возникла мама с сумкой в руке.

– Повезло: на обратном пути заскочила в гастроном, а там сосиски как раз выкинули. Успела ухватить два килограмма, пока очередь не набежала, – похвасталась она успехами. – А что телефон в комнате, кто звонил?

– Света.

– Вот неугомонная! – Мама неодобрительно насупилась. – Ты ей сказал, что болен?

– Угу, сказал. Завтра придет после школы.

– Зачем это еще? – насторожилась мама.

– Прическу новую показать. Успокойся, успокойся, я пошутил! Темы по английскому сверим к субботе.

Мама, удовлетворившись версией, направилась в кухню, а я взялся за фотоальбом. Минут за десять, морща лоб и пытаясь вспомнить имена и клички двух третей класса, но человек пять смог восстановить только по фамилиям, и то не с полной уверенностью. По окончании учебного года из двух классов сделают один, остальных разгонят по обычным школам и училищам. Вот ушедших после восьмого я помню, за редким исключением, плохо.

Раздался звонок во входную дверь, в прихожей что-то забормотали. Судя по всему, подошла медицинская помощь. Быстро – мама минут тридцать как оставила заявку.

«Значит, – напомнил я себе, – надо получить справку как минимум на три дня».

Дверь в комнату открылась, и на пороге появилась блондинистая девчонка в отглаженном белом халате поверх темно-синего вязаного платья. На шее фонендоскоп, в руке – сумка, на симпатичном лице – строгое выражение. Лет двадцать пять, прикинул я, года два после меда.

«Не окольцована», – на автомате завершил анализ мозг.

«Господи, ну какая мне сейчас разница?» – поразился я вывертам подсознания.

– Ну, что случилось? – спросила она, усаживаясь на край кровати рядом со мной и участливо разглядывая шишку.

До меня докатился наивный аромат простеньких духов, вызвав неожиданное сердцебиение и легкий румянец на щеках.

– Я на кухне готовила, вдруг слышу в ванной глухой удар и как тело упало, – взволнованно начала мама, размахивая руками. – Я туда, а дверь закрыта изнутри. Дергаю, кричу: «Андрей!» – и ничего... Я...

– Мне протокол составлять не надо. Я не милиционер, меня другое интересует, – улыбаясь, остановила врача мамин монолог. Затем наклонилась ко мне и положила руку на лоб. Халат немного распахнулся, и на фоне окна совсем недалеко от моего лица прорисовалась обтянутая платьем симпатичная окружность.

О, черт! Я такого не заказывал! Молодой организм меня достал, не было же в этом возрасте у меня эрекции на взрослых тетя, я точно помню!

«Ну все, – заметалась мысль. – Сейчас, значит, она выяснит анамнез, спросит, что беспокоит, и захочет постучать по коленям для определения асимметрии коленных рефлексов. – Я испуганно скосил глаза на рукоятку молоточка, торчащую из правого кармана врачебного халата. – Попросит, значит, сесть и закинуть ногу за ногу... И что я ей скажу и что скажет мама?»

Тихонько согнув ноги в коленях, я сложил кисти в замок на животе и, пока мама в красках и с выражением рассказывала мои паспортные данные, попробовал сделать несколько медленных глубоких вдохов. Помогло не очень. Я прислушался: совсем даже не помогло. Организм имел свою собственную точку зрения на то, чем надлежит сейчас заняться, и менять ее не собирался.

«„Это конец“, – подумал Штирлиц».

Услужливое воображение подхватило и творчески развило тему, переодев девушку в затянутый португеей эсэсовский мундир. Получилось премило. Особенно если эти светлые волосы распустить. Или нет, наоборот, заплести в косу и закрутить вокруг головы... Эрекция усилилась, хотя я только что был убежден, что дальше уже некуда. Ошибся, резервы молодости неисчерпаемы. Щеки начали пылать.

– Мам, ты бы чаю пока приготовила человеку, – начал я звенящим от волнения голосом, – а я и сам все расскажу.

– Ой, и правда, я сейчас... – Мама метнулась на кухню.

Минут пять у меня есть – пока чай заварит, пока бутерброды нарежет.

– Вылезал из душа, запнулся о бортик ванной, упал, ударился головой об стенку, потерял сознание секунд на двадцать, наверное. Когда очнулся, два раза вырвало. Сейчас слабость и потливость. Тошнота постепенно уменьшается. Если хожу или сижу – немного начинает болеть и кружиться голова. В покое голова уже не болит и не кружится. Доклад окончен.

– С вами все понятно, больной, – протянула врачиха задумчиво, наклоняясь еще ближе и внимательно вглядываясь сначала в один мой зрачок, потом в другой.

Анизокорию проверяет. М-да, а глаза у нее синие-синие, в обрамлении черных ресниц... И ямочка на левой щеке, когда улыбается.

Ладонь докторши опустилась на рукоятку молоточка, и я затосковал.

– Ну-ка, смотри сюда, – ласково сказала девушка и ловко нарисовала им надо мной крест. Я послушно подвигал глазами.

– Угу, так... – Пристукнула молоточком по подбородку, затем решительно встала, повернулась ко мне лицом и дружелюбно приказала: – Садись, ногу на ногу закинь.

Я помотал головой и поджал ноги посильнее.

– Что такое? Боишься, голова закружится?

– Я вас стесняюсь, – пунцовея, сделал я первый заход.

– Ой, да брось, я же доктор, нас стесняться не надо, – почти убедительно проворковала она, при этом по лицу скользнула мысль: «Да и что я там не видела...» – Ты что, без трусов лежишь?

– В трусах. Но они не сильно помогут.

Теперь надо уверенно посмотреть ей в глаза и чуть нагло улыбнуться, только не переиграть. Зафиксировав взгляд, я указал глазами вниз, разогнул колени и развел кисти в сторону. Взгляд врачихи задержался на выразительно взбугрившемся одеяле.

– Я боюсь вас испугать, – твердо сказал я, с легкой улыбкой глядя в глаза, и мысленно добавил: «Или обрадовать».

Секунды три девушка переваривала увиденное и сказанное, затем брови изумленно взлетели вверх, щеки начали заметываться румянцем, и она захихикала, прикрывая левым кулаком рот. Я с облегчением вздохнул и натужно улыбнулся.

– Комсо-омо-о-о-ол... – протянула она восторженно, продолжая хихикать. – Восьмой класс!

– Третья четверть, – подхватил я. – Это все дремучие инстинкты! – Меня подняла и понесла волна дурашливости. – Хочется хватать красивых девушек и тащить их в пещеру на шкуру убитого саблезубого тигра.

– Давить надо такие инстинкты, – наставительно заявила докторша. – На корню.

– Угу, попробуй задави... – горестно вздохнул я. – Скорее они сами задавят. Против природы не попрешь. К тому же я не тащу никого в пещеру. Пока...

Докторша как-то неуверенно хихикнула еще раз и с сомнением покосилась на меня.

– Вам, между прочим, радоваться надо, – начал я подводить к интересующей меня теме.

– С чего бы это вдруг? – Девушка с подозрением нахмурила брови.

– Ну... – застенчиво поковырял я пальцем одеяло, – базовые функции организма пациента не пострадали... как мы убедились. Можно без госпитализации обойтись, правда? Вам же проще – не надо эвакуацию заказывать. Отлежусь несколько деньков – и вперед с песнями.

– В целом верно. А откуда терминологию знаешь?

– Папа врач. Учебники иногда почитываю.

– А-а... понятно. А где папа работает?

– Военно-медицинская академия.

– У-у... понятно. Ладно, чудо, лежи... Сейчас справку в школу напишу. Но если вдруг станет хуже – обязательно снова вызвать врача.

Врачиха присела за стол, достала из сумки обычный тетрадный листок и что-то быстро застрочила, время от времени давая улыбку, отчего на щеке появлялась та самая ямочка. Я с умилением любовался ее профилем.

– Ну вот, готово. – Девушка повернулась ко мне, нарвалась на взгляд и опять нахмурилась.

Я смущенно отвел глаза.

Тут весьма своевременно в комнату просочилась мама:

– Доктор, вы закончили? Что с ним, ничего серьезного?

– Легкое сотрясение мозга... – Врачиха с сомнением оглядела меня, словно мысль о наличии у меня мозгов показалась ей нетривиальной. Невольно задержала взгляд где-то посередине моего тела, резко вильнула глазами в сторону и, слегка покраснев, зачастила: – Три дня постельного режима, две недели освобождения от физкультуры. Станет хуже, появится рвота, усилятся головные боли – обязательно тут же звонить в «скорую». Но, думаю, все будет хорошо.

– Спасибо огромное! – Мама с заметным облегчением приняла справку. – Пойдемте на кухню, я там чаек заварила, бутерброды сделала со шпротами и колбаской...

Докторша непроизвольно сглотнула слюну, но попробовала упереться:

– Да нам не положено... вызовы еще есть...

Бесполезно. Я маму знаю. Точно, девушку со словами: «А мы быстренько, на пять минут всего», – уже волокут в кухню.

– Приятного аппетита! – кричу я ей вслед. – Заодно с мамой моей познакомитесь...

Докторша негромко фыркнула и решительно променяла меня на бутерброды.

Я облегченно расслабился. Отлично, несколько дней я себе на адаптацию выиграл. А вот фортели организма меня напрягали. Сделал охотничью стойку на женщину лет на десять старше, потом дурашливость накатила, чего еще ждать?

Ясно одно: мое тело – не пассивная матрица. Подлянку может подкинуть в любой момент. А все время себя контролировать – можно и с ума сойти. Расслабиться, что ли, и получать

удовольствие? Дрема постепенно овладела мной, а потом перешла в крепкий сон, ведь предыдущую ночь я не спал вовсе, с энтузиазмом осваивая брейсерфинг.

Сколько мне открылось секретов... Заговор с целью убийства Кеннеди был, Улофа Пальме действительно завалил псих-одиночка, инопланетян пока не обнаружили, самый богатый человек мира живет по принципу «большая вода тихо течет» в маленькой хижине в Малайзии, клуб по управлению миром существует, но работает прискорбно неэффективно. И как все это бесполезно здесь и сейчас...

Где-то среди ночи я проснулся и немного поворочался, наблюдая за колыханием теней на потолке. Затем не выдержал, поднялся и пробрался к окну. За холодным стеклом сквозь редкие ветки деревьев темнели силуэты домов. Слегка покачивающаяся под железным колпаком одинокая лампа выхватывала конусом света косо летящий мокрый снег. На отвоеванном у тьмы клочке двора распласталась комковатая серая слякоть. Я любовался этим, торжествующе улыбаясь. Мой любимый светлый мир, я пришел к тебе!

Глава 2

Среда 16 марта 1977 года, 8:40

Ленинград, Измайловский проспект

Окончательно я проснулся от щелчка закрывшегося замка, хотя и до этого сквозь приятную полудрему до меня порой доносилось какое-то шебуршание в прихожей и в коридоре. Судя по всему, родители ушли на работу – значит, начало девятого. Вот я придавил на массу, чуть ли не пятнадцать часов суммарно! Странно, что папа не разбудил меня для осмотра. Пожалел, наверное, мой крепкий лечебный сон.

Сладко, до хруста в спине, потянувшись, прислушался к телу. Оно желало распрямиться упругой пружиной и понестись туда, где есть еда и девушки. Или девушки и еда? Я попытался выделить доминантное желание. Хм... Похоже, все-таки еда. Ну оно и к лучшему – что пожрать, я сейчас точно найду, а вот девушка в квартире за ночь навряд ли завелась. Раньше, по крайней мере, со мной такого не случалось. Даже обидно.

Я еще повалялся в кровати, размышляя о девушках вообще и тех их лучших представительницах, которые будут в моем окружении в ближайшие месяцы, потом с печальным вздохом развеял сладостные грезы. О деле надо думать, о деле.

Мышцы вибрировали свежей силой, в голове царила непривычная для утра ясность. Эту хлещущую из меня энергию – да на мирные бы цели. Ну, тело, погоди! От сотрясения отойду и впрягу тебя в нагрузки, взвоешь еще.

Я перевернулся на другой бок. Надо будет составить программу физического развития и поддержания здоровья. Предстоит период бурного роста, а это оптимальное время для формирования фигуры. С отягощениями еще года два лучше не заниматься, пока связки и суставные сумки не окрепнут, а вот над общей выносливостью, скоростными способностями, растяжкой надо обязательно поработать. До зубовного скрежета.

Кстати о зубах. Клянусь! Торжественно клянусь тщательно чистить их два раза в день и полоскать после каждого приема пищи. Встречаться со здешними стоматологами, которые высверливают без обезболивания даже пульпит, мне совершенно не хочется. Воспоминания примерно этой поры свежи даже через треть столетия.

С другой стороны, есть смысл проявить инициативу, дабы не доводить до худшего. Надо бы к стоматологу самому сходить: маленькую дырочку легче лечить, чем здоровенный кариес. Встревоженно поводит языком по зубам в поисках дыр, не обнаружил и, не успокоившись на этом, двинулся в ванную. Осмотр нижних «шестерок» был прост – раскрывай рот и смотри. С верхними сложнее... Порывшись в прихожей, нашел прямоугольное карманное зеркальце и радостно сунул его в рот. С помощью системы из двух зеркал осмотрел верхний ряд и с облегчением вздохнул – чисто.

Ну что ж, раз уж я встал, то часть планов можно начать осуществлять прямо сейчас. Странно, в стакане стоят всего две зубные щетки, сухая и мокрая. Первая загадка решена: вот эта сухая щетка – моя. Но появился новый вопрос: почему мокрая – только одна? Недоуменно пожав плечами, выдавил из алюминиевого тюбика «Поморин», привет из братской Болгарии, и начал первый день новой жизни.

На кухне меня ждала записка:

«Дюш, на завтрак сырники, в одеяле в большой комнате. На обед – суп или тушеное мясо с макаронами. Я сегодня до 19. Целую, мама».

Ниже торопливо приписано: «Не вставай, весь день лежи! Зинаиде Эриковне я позвонила. Станет хуже – звони мне!!!»

Выложив на тарелку еще горячие сырники и залив их сметаной, я присел перед телевизором: надо побыстрее окунуться в жизнь социума и почувствовать себя его частью.

Прогревшись с полминуты, «Рекорд» мерзко запищал и вывел на экран настроечную таблицу. Пришлось вставать, топтать к телевизору и крутить тугой переключатель каналов. На четвертом щелчке выпала «Утренняя гимнастика». Шесть средней симпатичности девочек в трико и юбочках под бряцание рояля повторяли за тренером наклоны.

Некоторое время я с интересом наблюдал за ними, потом с легким вздохом развеял появившиеся вдруг эротические фантазии и с энтузиазмом взялся за вилок.

Дожевав последний сырник, приступил к изучению программы передач. Утренний выпуск «Времени» в восемь ноль-ноль я пропустил, следующие новостные программы – это «Сегодня в мире» в 18:45 и вечерний выпуск «Времени». Днем в трансляции перерыв на три часа. До него ничего интересного не предвидится – «Отзовитесь, горнисты» и документальный фильм «Мы и природа», – можно расслабиться. После перерыва будет петь Сибирский русский народный хор, затем – какая-то программа «Объектив», «Веселые старты» и еще один концерт. А после «Времени» передача «Лица друзей» и опять концерт. На этот раз украинского эстрадно-симфонического оркестра. Не программа передач, а мечта меломана...

Я пересчитал музыкальные программы: три концерта классической или народной музыки – треть всего времени вещания по первому каналу. Зачем?! Просто время забить?

Вторая программа почти целиком посвящена учебным фильмам и программам, с небольшим перерывом на репортаж с чемпионата СССР по боксу в городе Фрунзе.

О! Ни фиги себе!.. Я даже привстал от волнения. Вечером четвертьфинал Кубка европейских чемпионов: «Динамо» Киев – «Бавария» Мюнхен. Смотрю!!! Две пинты бимиша мне и свиных ребрышек. Нет, две порции свиных ребрышек. Да, с соусом... Э-э-э... есть у вас такой – в основе томаты, сладкий перец, мед и имбирь? Да... И тонкий лаваш.

Я сглотнул слюну. Помечтал – садись читай дальше. О пиве на ближайшие годы можно забыть, не советское же пить? Оно того не стоит, по крайней мере, общедоступное.

Нет, ну скажите мне, как можно жить, если перед глазами настырно маячит призрак ребрышек?! Кстати, там же не только мясо вкусное, еще можно сжевать размягчившийся кончик кости и потом высосать сочный отвар костного мозга. А для запекания можно взять медово-соевый соус и смазать им ребрышки в последние пятнадцать минут. Или заранее замариновать в медово-грейпфрутовой смеси, а потом присыпать порошочком чили...

Чертыхнувшись, я поднялся и, злобно цыкая зубом, пошел на кухню рубануть ломоть пошехонского сыра. Кусок черняшки, сливочное масло... Я вдумчиво зажевал доппаек. И стакан молока сверху. А ничего, вполне. Прислушался к себе – призрак ребрышек истаял почти до полной прозрачности. С облегчением вздохнув, вернулся к телевизору.

Так. Третья программа предлагает фильм про БАМ «Трасса юности – трасса молодости», «Музыкальный киоск», «Спокойной ночи, малыши», «Народные мелодии» и «Служу Советскому Союзу!». Все понятно – и тут смотреть нечего, только слушать...

Мощный инструмент управления настройками явно используется не на полную катушку. Вот и первый резерв, только как его задействовать? И, главное, для чего? Надо определить, в какую именно сторону я хочу толкать колесо истории, если и когда у меня прорежется брейнсёрфинг.

Абсолютно ясно одно: в прошлый раз это колесо покатило по хреновой колее. Распад страны, миллионные людские потери из-за конфликтов, иммиграции, разгула бандитизма и снижения рождаемости, десятки миллионов сломанных судеб.

Впрочем, дело даже не в сокращении численности населения, хотя и это, конечно, отвратительно. Будущее, тень которого уже начинает покрывать страну, хуже катастрофы Великой Отечественной. Тогда, несмотря на колоссальное число погибших и огромные разрушения, моральный стержень, на котором держалась общность, лишь окреп. Здесь же грядет гибель нового, основанного на альтруизме, общественного сознания. Поражение – в этом.

В сточную канаву, как отход производства, сольют высшее достижение страны – с трудом выпестованное поколение, готовое к бескорыстному служению обществу. Ну да, оно еще не все такое, но концентрация мыслящих именно так детей, подростков, молодых людей подошла к критической отметке, за которой начинается кристаллизация нового качества.

Она, эта поросль, сейчас возвращается в теплых, солнечных условиях гуманизма, дружбы и интернационализма. У нее хватает идеализма, но уже нет свирепости дедов и отцов, потому что исчезла та атмосфера, настоящая на густом запахе крови.

Лет через двадцать, на рубеже тысячелетий, они, пройдя через сито испытаний, вошли бы в силу, и человечество увидело бы расцвет нового типа общества, открылась бы принципиально иная перспектива социального развития.

Ржа скосила и поколение, и перспективу. Бездарная попытка реформ позволила всплыть на поверхность тому дерьму, что накопилось на дне общества, во мраке цеховиков, фарцовщиков, толкачей, эзков и коррумпированной торговли. И не только всплыть, но и перехватить управление страной.

Вот это возвращаемое сейчас поколение и надо сохранять. Не допустить до руля плесень, озабоченную только собственным благополучием. Иначе уже в следующем поколении мальчики будут мечтать стать бандитами, а девочки – валютными проститутками. Понятно, какая потом из них будет власть: готовая отдаться за деньги сильнейшему и замочить слабейшего. Возникнет ситуация плохого равновесия. Попав в него, выбраться почти невозможно.

Задумчиво отложив стопку газет, я каким-то верховым чутьем нашел банку кофе. Вот тебя-то мне и надо, золотце мое! Две чайные ложки легкого, как пыль, темно-коричневого порошка, горячая вода и полторы ложки сгущенки... Тот самый кофе, тот самый вкус... Не самый ароматный, но привычно бодрящий.

Встал у кухонного окна, грея ладони о чашку, и снова взгляделся в жизнь Измайловского проспекта. Предстояло придумать, как жить дальше, чтобы потом опять не было мучительно больно... Один раз я уже пожил, поплеывая в вечность, больше не хочу.

Отставив чашку, начал нарезать круги по кухне, выплескивая переполняющую меня энергию. Итак, передо мной две задачи. Одна – тактическая – вписаться в социум, не вызывая сильного удивления своим поведением. Тут есть сложности, но мне это по силам даже без памяти реципиента. В конце концов, реципиент – это я, только тридцать пять лет назад. Да, я многое забыл, но многое и помню. А часть забытого быстро восстанавливаю. К тому же все равно деваться некуда, я уже здесь.

Вторая задача – стратегическая – ни много ни мало, а повернуть колесо истории. Смогу ли я это сделать без особых способностей, которых пока нет и неизвестно, появятся ли они? Предположим, способности просто еще не проявились. Предположим. Буду исходить из этого, так приятнее. Иначе мне остается только плыть по течению истории, наблюдая за переформатированием общественного сознания и распадом страны. И фарш будет невозможно повернуть назад.

Я опять задумчиво закружил, потом упал на руки и попытался в темпе отжаться.

У-у-у... совсем забылся... Голова взорвалась болью, накатила дурнота. Сев на пол, я прислонился к кухонной тумбе, дотянулся до стоявшего на углу стола стакана и отхлебнул. Погорячился. Временно надо обходиться без привычного способа концентрации.

Через две-три минуты полегчало. Ладно, пока стратегических идей нет, буду решать тактическую задачу и надеяться на лучшее. И я пошел за учебником геометрии.

Где-то через час, исчеркав несколько листов в черновике, с облегчением откинулся на спинку стула и отложил в сторону китайскую чернильную ручку. Почерк, кстати, когда не задумываюсь над ним, получался «как кура лапой».

Первоначальный страх, что не угол в треугольнике тупой, а я, сменился заслуженной гордостью – «кое-что можем». Вроде бы и не высока преграда – курс геометрии за восьмой

класс, но за последнюю треть века я стал сугубым гуманитарием, у которого синусы-косинусы вызывают паническую реакцию. Однако теперь я уверен, что прикидка сил была правильной, – к субботе восстановить всю геометрию в памяти реально.

Особо радовали прорезавшиеся острота и резвость мышления. Все же с возрастом способности мозга снижаются, причем настолько постепенно, что самому это и не заметно. И только резкое омоложение дало мне возможность почувствовать разницу: мозг работает как губка, интенсивно, чуть ли не урча от удовольствия, впитывая новые знания и, подобно лучу лазера, легко препарируя логические конструкции.

«А неплохой мне процессор достался, – подвел я промежуточный итог. – Надо его холить и лелеять, к примеру, давать вовремя отдохнуть. А лучший вид отдыха – смена деятельности. Иди сюда, биология, полистаю я тебя...»

Звонок в дверь грянул неожиданно, оторвав меня от изучения тонкостей химического равновесия. Я изумленно похлопал глазами: «Кого это черт принес?»

– Ловко ты от контр увернулся, – с завистью заявил Паштет с порога. – Один щелбан от стены, а сколько плюсов!

– Не слушай балбеса, – возникла за его плечом раздурманенная от морозца Света. – Он сегодня по английскому два «тройка» сразу схлопотал, теперь боится, что его в поход на каникулах не отпустят.

– Проходите, гости дорогие, – посторонился я, вглядываясь в своих товарищей и заново знакомясь с ними.

Зашедший первым Паштет быстро скинул ботинки, вздернул на вешалку потертую куртку и, слегка косолапя, уверенно направился в мою комнату, освобождая место для Светы. Высокий, крупный, круглолицый, с небольшим курносом носиком, усыпанным неяркими веснушками, тускло-рыжеватой шевелюрой и маленькими голубенькими глазками, он был лишь чуть моложе уже основательно поистершегося из моей памяти образа.

Света отпихнула ногой брошенный в прихожке портфель Паштета, разгребая себе пяточку для маневра, и начала снимать пальто. Я протянул руки, чтобы его принять.

– Ты это что? – удивленно замерла она в неудобной позе.

– Пальто помочь повесить... – с недоумением откликнулся я.

– Да... Крепко тебя приложило... – кривовато улыбнулась Света, удивленно покачивая головой. – Ты мою просьбу выполнил?

– Каку таку просьбу?

– Плиточку волшебную пометил?

Я шагнул вперед и взял легкое пальтишко:

– Не холодно в таком бегать сейчас? На улице не лето.

– Ничего, я короткими перебежками, по два-три прыжка. От дома к метро, от метро к школе. Не шубу же сейчас носить. Ты как? – Она встревоженно уперлась взглядом мне в глаза.

– На западном фронте без перемен. – Теперь пришла моя очередь кривовато улыбаться. – Жить можно. Гони Паштета руки мыть, и на кухню давайте. Будем практиковать высокое искусство приготовления горячих бутербродов.

– Горячих? Это как?

– Сейчас покажу. Я в старой «Работнице» недавно рецепт видел. Легче сделать, чем рассказывать. Кыш глистов с рук смывать! – И я пошел на кухню приводить в порядок мысли.

Появление Паштета всколыхнуло во мне старое чувство вины, хотя разве я виноват, что он лег за Пянджем? Светка же привела в недоумение тем, что первое впечатление о ней совсем не совпало с воспоминаниями. Да, красавицей ее не назовешь, факт. Но и точно не «уродина», как я думал раньше.

На полголовы выше меня, тонкая-звонкая, длинношеяя. Продолговатое лицо с крупными чертами, выдающиеся вперед челюсти. О таких лицах иногда говорят «лошадиное», но в данном случае у меня возникала иная ассоциация. Широко расставленные большие темные глаза, высокие рельефные скулы и агрессивная линия подбородка – все это в сочетании с веретенообразной фигурой наводило на мысль о стрекозе, но не беззаботной «попрыгунье», а серьезном хищнике мира насекомых, грозе мошек и букашек. Впечатление усугублялось привычкой смотреть слегка исподлобья и иногда прорывающейся властностью характера. В такие моменты я невольно чувствовал себя той самой букашкой, на которой с недобрыми намерениями остановился фасетчатый взгляд.

Но чуть неприятное впечатление развеивается, стоит Свете начать говорить. Блеск глаз, живая мимика и милая улыбка четко оконтуренных губ заставляют забыть об особенностях внешности, оставляя на поверхности лишь интересную и легкую в общении девушку-подростка. Странно, что в детстве я замечал лишь худшее.

И ноги у нее стройные... Интересно, она так выпендривается с длиной юбки до середины бедра или это мода сейчас такая? Если мода, то я горячо «за». Как много нам открытий чудных...

Жизнерадостно насвистывая «Прощание славянки», я начал потрошить холодильник. Сосиски, сыр, масло сливочное, сметана, горчица и томат-паста. Основа есть. Городской батон, растительное масло. Отлично, все необходимое в наличии.

Сковородку на огонь, лью в нее масло. Косо нарезаю батон и начинаю обжаривать ломтики, ожидая появления хрустящей золотистой корочки. Одновременно включаю духовку на нагрев. И кастрюлю с супом на плиту: сосисок не много, надо и на родителей оставить.

За плечом нарисовался вечно жизнерадостный Паштет:

- Люблю повеселиться, особенно пожрать, двумя-тремя батонами в зубах поковырять!
- Но-но. На слишком много не рассчитывай, надо маме с папой оставить.

Паштет оживился:

- А что, предок сегодня должен приехать? Ты же его в пятницу вечером ждал?

Я взял тайм-аут на раздумье, имитируя бурную деятельность:

– Черт, подгорает! Пашка, на лопатку, переворачивай куски, я пока сосиски с сыром нарежу и приправу замешу.

Но сбить Паштета с мысли не удалось. Ловко работая руками, он с энтузиазмом продолжал допрос:

– Так приехал? Магнитофон привез? В воскресенье «Иглз» будут передавать по «Вашему магнитофону», наверняка запустят эту новую песню, «Отель Калифорния». Надо обязательно записать.

На помощь, с сочувствием взглянув на меня, пришла Света:

– Нет, раз конгресс в Париже до вечера среды, значит, раньше пятницы не приедет, чего спрашивать? А в понедельник вечером программу все равно повторят, можно будет записать, если магнитофон появится.

Я кивнул головой, принимая подачу. Эпизод я помнил хорошо. Еще бы, папа тогда привез из-за границы двухкассетник и десять 60-минутных кассет «Super Chrome» фирмы «Maxwell». Не забывается такое никогда. Вот почему зубных щеток было только две.

– Магнитофон привезет, раз обещал, – будет и на нашей улице праздник. «Иглз», безусловно, достойны записи. Семь минут медленного танца. Ты с кем, Паштет, собираешься в первую очередь слиться в экстазе?

Светка захихикала, Паша потупил глазки.

– Я сегодня, между прочим, тоже чуть сотрясение мозга не получил, – буркнул он. – Ирка за мной так носилась, так носилась... Если б догнала, прибила б!

– Чем ты ее так достал?

– Да он стащил на уроке ее кеды и разрисовал фломастерами. Сердечки там всякие и любовные послания, – охотно пояснила Светка. – Когда обнаружила, визгу и писку было до первого этажа. Если бы не Биссектриса, Пашке каюк, Ира его уже в угол зажала.

– Да, Паштет, внимание к себе ты привлек, но не с тем знаком. Или ты и задумывал это ради единоборства в уголке? – со смешком прокомментировал я, размешивая сметану с горчицей и томат-пастой. – Попробуй в следующий раз классику, портфель там поднести или сменку. Снимай сковородку, хватит.

Паша уморительно задрал нос кверху:

– Еще чего. Нужна она мне.

– Ну-ну, почти верю. Так. Демонстрирую один раз. Мажем булку получившейся ядерной смесью. – Я попробовал результат, подумал и досыпал в смесь пол чайной ложки сахара. Перемешал еще разок, лизнул и, удовлетворившись, начал намазывать ломти батона. – Затем кладем нарезанные вдоль сосиски, видите, они как раз по длине ложатся. Сверху пластинку сыра. Опа! Теперь на противень – и в духовку, пока сыр не расплавится целиком. Минуты на три-четыре.

Мы на корточках столпились у плиты, зачарованно наблюдая, как сначала «потеет», а потом начинает оплывать сыр. Подсветку в духовых шкафах еще не придумали, но окошко с термостеклом в дверце уже было.

– Мы от этой ядерной смеси, что ты намешал, не загнемся? – задумчиво поинтересовался Паша, втягивая раздувающимися ноздрями аромат, пробивающийся из-за неплотно прилегающей дверцы духовки.

– Я готов принять весь удар на себя. Ты прав, тебе не следует так рисковать.

– Нет-нет, ты не понял. Я о тебе беспокоюсь, ты для общества важнее – у тебя средний балл выше.

Мы дружно похихикали. Затем я быстро налил три тарелки супа, раздал ложки и торжественно извлек противень. Бутерброды с еще пузырящимся кое-где сыром были переложены в одну большую тарелку и водружены на центр обеденного стола.

– Он сказал: «Поехали!» – и взмахнул рукой, – продекламировал я и, подавая пример, осторожно взял первый бутерброд.

– Мм... – замычал Паштет, неосторожно отхватив одним куском треть бутерброда. – У-ум-м...

– Ась? Не расслышал, какую философскую концепцию ты хочешь обсудить? – поглубже я над ним.

– Ат-али... нэ эшай эс.

– Как ты думаешь, – обратился я к Зорьке, – эти милые фефекты дикции могут дать ему несколько дополнительных очков в Иркиных глазах? Девушки должны сочувствовать сыром и убогим... Света, ты же комсомолка, защити больного товарища от агрессивно настроенного гиппопотама!!

Минут через десять мы закончили бодро стучать ложками и сыто откинулись на спинки.

– Хороший рецепт, годный, – подвела итог Света. – Жаль, сосиски в магазинах ловить надо, а то бы можно было только этим и питаться. При случае своим предкам сделаю.

– Угу, неплохо, – подтвердил Паштет. – Если бы у нас было рабовладельческое общество, я бы купил тебя к себе поваром. Заслужил.

– Ох и намучился бы ты. Я жизнеописание Эзопа читал, знаю, как таких хозяев приучить строем на обед ходить.

– Кстати о походах строем, – оживился Паша. – Свет, что у нас там в кино на каникулах интересного?

Света задумалась, покачиваясь на стуле, потом, с осуждением глядя на нас, изрекла:

– А мы еще «Рабу любви» не посмотрели. Уже два месяца идет, скоро закончится, а вы все никак не соберетесь. Ну и еще начали показывать «Игрушку» с Пьером Ришаром, говорят, смешно.

– О! На Ришара обязательно ходим. Бельмондо, жаль, нового нет... А рабу на фиг. – Паша выразительно поморщился. – Фи на эти мелодрамы.

– Паш, душа обязана трудиться, – наставительно сказала Света, глядя на Паштета так, как смотрят любящие родители на дебильноватого сынка. – Мелодрамы надо смотреть, иначе так чурбаном неотесанным и останешься. Будешь Ире кеды раскрашивать да бумажками в нее стрелять.

– Света права, – поддержал я. – «Рабу любви» обязательно надо посмотреть, Михалкову фильм однозначно удался, будет классикой.

– Вообще, – мечтательно протянул Паша, – название фильма звучит интригующе. Вот было бы смешно, если бы Ирка в меня влюбилась до состояния рабы, – вот бы я повеселился.

– О боги! – задохнулась Зорька от возмущения. – Когда они повзрослеют наконец!

– Скоро, Света, скоро, – обнадежил я ее. – У нас сейчас возраст такой, интересный: девочкам уже хочется поцелуев в уголке, а мальчикам – до сих пор на переменке стёрками в футбол погонять. Но это ненадолго.

Света с подозрением царапнула меня взглядом и, чуть помедлив, сказала:

– Хм... Как-то странно ты запел. Ну-ка, проверочный вопрос... Скажи-ка мне, что лучше – любить или быть любимым?

– Вот спросила! – немедленно вклинился Паша, возбужденно размахивая руками. – Дураку понятно – лучше, чтобы тебя любили! Какие возможности открываются!

Света с пренебрежением отмахнулась от него и попыталась перехватить мой взгляд. Я старательно скреб им по потолку. Наконец, когда молчание уже неприлично затянулось, посмотрел ей в глаза.

– Ну, – начал я, – считай, что я тебя понял. Достойная позиция.

– Вы о чем это? – Паша вертел головой, пытаясь прочесть что-нибудь по нашим лицам.

– Ты что, с-с-скотина, – со зловещим присвистом начала, наклоняясь ко мне, Света, – влюбился уже в кого-то? Ну-ка признавайся!

От волнения у нее на скулах выступили пятна. Я отпрянул, опешив, и, выставив вперед ладони, примирительным тоном начал отмазываться:

– Что ты, что ты! Свят-свят-свят! С чего ты решила?

– Да с того, что раньше за тобой такого понимания ни грамма не было. Мычал бы бред, как Пашка. Признавайся немедленно!

– Э-э-эм... Может быть, ума прибавилось от удара?

– Да при чем тут ум! – От волнения Света аж подпрыгивала на стуле. – На этот вопрос и дурак правильно ответит, если он хоть раз был влюблен!

Упс, замаскировался, называется... Прокол на первой же беседе. И, что характерно, не на речи или незнании чего-нибудь, а на изменении личности. Было бы странно, если бы этого не произошло.

– Хм... – Я уселся поудобнее, заодно выйдя из радиуса действия Зорькиных рук. Так, на всякий случай. – Тогда, вероятно, мой организм уже готов в кого-нибудь влюбиться. Но еще не влюбился. Эдакое предощущение возможности любви. Как такое предположение, а? Может такое быть?

Света некоторое время буравила меня взглядом, потом нехотя буркнула:

– Наверное, может... – и сварливо полюбопытствовала: – И в кого это ты собрался, интересно, влюбляться?

– О, разве тут можно предугадать? – начал я вдохновенно впаривать, хотя рабочая гипотеза на эту тему возникла еще вчера при просмотре фотоальбома. – Как звезды лягут, от меня мало что зависит. Это же инстинкт – он никого не спрашивает. Его не зовут, он сам приходит.

– Любовь – инстинкт? Ну ты загнул, – протянул Паша.

– Ни малейшего сомнения. Хотя, признаю, тут все очень запутано. Для начала мы называем словом «любовь» два совершенно разных чувства. Они очень сильно различаются у мужчин и у женщин. По-хорошему, их надо было бы обозначать разными словами...

– Теоретик, – фыркнула Света.

Ах теоретик! Во мне стремительно взметнулась темная волна гнева:

– У тебя, как и у всех женщин, на уровне генома зашита необходимость достичь важной для вида цели. Ну ты понимаешь, о чем я... А любовь нужна, чтобы ты достижением этой цели не манкировала. Этакий механизм, пресекающий излишнюю разборчивость в выборе отца для своего ребенка. Время пришло, и все – цигель-цигель, ай-лю-лю, вперед, исполнять свой долг перед видом. Нефиг перебирать варианты, бери что есть. Отсюда и «любовь зла, полюбишь и козла».

Паша аж прихрюкнул. Зыркнул, как ему показалось, незаметно на погрустневшую Зорьку и елеинным тоном осведомился у меня:

– Как-как ты себя назвал?

– Как есть, так и назвал. Ни я, ни ты ничего собой еще не представляем. Даже не козлы еще, а так, козлята на выпасе. Ты сначала стань кем-то, там, глядишь, и высокого звания «козла» от Иры удостоишься.

Света, было фыркнувшая на «козла от Иры», опять посмурнела. Помолчала, потом повернулась к нам боком и приступила к разглядыванию угла на потолке подозрительно поблескивающими глазами. Паштет вопросительно посмотрел на меня, и я почувствовал себя последней сволочью. И что на меня накатило, с одного безобидного слова завелся? И на кого рассердился? На безответно влюбленную девчонку. Скотина ты, Дюша.

– На самом деле, конечно, – вздохнув, признался я, – ты намного более права, чем я. Я же сразу сказал – достойная позиция.

Встал, взял стул, прошел до Зорьки и уселся перед ней. Она опять отвернулась. Подумав, взял ее вздрогнувшие ладони.

– Я прав с точки зрения холодного ума, а ты – чувств. Но это тот самый случай, когда второе важнее первого.

– Правда? – Просветлев, она с надеждой повернулась ко мне. Ох и намаяюсь я с ней...

– Правда. – Ума не приложу, как мне удалось в ответ улыбнуться, не разжимая стиснутых зубов... Теперь надо убежденно нести любую банальность, глядя глаза в глаза. – Любовь – это самое сильное светлое чувство, и зачем ее преуменьшать, включая разум? Настоящее «горе от ума» получается. – И про себя добавил: «Особенно верно для женщин».

– Ты правда так думаешь? Правда-правда?

Я всерьез задумался. Потом медленно заговорил:

– Ты знаешь, правда. Любовь – редкий приз, и выпадает в жизни максимум несколько раз. Одна из немногих вещей, ради которых стоит жить. Так стоит ли искусственно уменьшать накал страстей? Да, отключив разум, можно накуролесить в любовном угаре такого, что потом с трудом расхлебашь. Но, пожалуй, оно того стоит. По крайней мере, будет что вспомнить. А кто утверждает иначе, говорит это на холодную голову, когда сам не влюблен. Тут-то все мудрецы горазды советы давать...

Мы помолчали каждый о своем.

– А давайте какао сварим? – предложил я, похлопывая Зорькиными ладошками друг о дружку. – С желтком.

– Это как? – воскликнул Паша.

Света грустновато улыбнулась и согласно кивнула.

– Все просто. – Зарывшись в холодильник, я начал очередной мастер-класс: – Сначала греем молоко, примерно две трети от потребного, почти до кипения и удаляем пенку.

Пощелкав электрозажигалкой, развел огонь, влил в эмалированную кастрюльку примерно пол-литра молока и поставил на конфорку.

– Пока молоко греется – фокус: отделение желтка от белка с помощью двух половинок скорлупы.

И я продемонстрировал это действие изумленной публике.

– Надо добыть еще два желтка, кто возьмется?

– Я!

– И я!

– Вперед. Только аккуратно, не проткните желток краями скорлупы.

На удивление, оба справились и, довольно сияя, удостоились заслуженной похвалы.

– Теперь перетираем желток с сахаром и постепенно добавляем какао. И трем, трем, трем до получения однородной массы. Уф... – Запястье быстро устало. – Давай, Паш, ты потри еще. Ну а теперь все просто: разводим горячее молоко холодным – надо получить не более шестидесяти градусов, иначе желток свернется, выливаем в растертую смесь и все еще раз хорошо вымешиваем. Вот так. А теперь по чашкам – и наслаждаемся.

Вдумчиво прихлебывая, мы дегустировали редкий напиток. Получилось достойно – еще бы по чайной ложке коньяка на порцию, того, пятизвездочного, что я в семейном баре обнаружил. Но не поймут ребята.

Покосился на беспечно развалившегося на стуле Пашку. В прошлый раз он оказался среди тех, кто не попал в объединенный девятый класс, – чуть-чуть не прополз по оценкам. Надо подкорректировать жизненный путь друга детства.

– Паштет... У тебя какой средний балл за четверть выходит?

– Выше четырех. Наверное... – Паша опять потешно сморщил свой нос-кнопку. – Если Эльвира не срежет до «тройки».

– Делать ей больше нечего, как специально тебя резать. А у Биссектрисы что – безнадега?

– Ну... да... ты ж знаешь... Я не Валдис.

– Тут Валдисом быть не надо. На «четыре» алгебру и геометрию любой, прилагающий достаточно стараний, вытянуть может. Эх, Пашка... Давай в следующей четверти вместе позанимаемся, а то вылетишь ведь при объединении классов. Тебе надо до «пятерок» оба предмета поднять. Да и химию тоже реально на «пять» вытянуть, если постараться. А мы поможем.

– Какое объединение? – хором воскликнули Паша и Света, с изумлением глядя на меня. Паша даже не стал оспаривать гипотетическую возможность получения «пятерок» по проблемным предметам.

– Нам разве еще не объявляли? – ляпнул я, не подумав. Черт, что я несу? В задумчивости потер шишак, глядя на мотающих головой одноклассников. – Э-э-э... ну... короче... я слышал, что из двух классов будут делать один.

– Когда слышал?

– От кого слышал?

В этот раз каждый выкрикнул свое. Света подалась вперед, и у меня возникло ощущение, что ответ из меня сейчас будут вытрясать.

– Мм... – Я растерянно покусывал губы, выигрывая себе секунды на поиск ответа. – Это не так важно. Но информация точная. Сольют «А» и «Б» в один класс. И, ребята, большая просьба – не говорите пока никому, хорошо? Давайте лучше подумаем, чем нам это грозит и что в связи с этим надо делать.

Паша встревоженно заелозил на стуле, бросая полные отчаяния взгляды на меня со Светой.

– Я в «двести восемьдесят шестую» не хочу... – затряс он головой.

– А нефиг было балду бить весь год, – мрачно отрезала Зорька. – Любовь у него...

– Тихо, тихо, – вмешался я. – Ничего непоправимого еще не произошло. Решение будет приниматься по итогам последней четверти. Если Паша продемонстрирует резкий, я подчеркиваю – резкий! – прогресс в оставшиеся два месяца по западающим предметам, то пройдет. У тебя же английский – твердая «четыре», правильно? Тут отставание и за четверть было бы тяжело вытянуть. А алгебру с геометрией и химией подтянуть за неделю каникул можно, если плотно взяться.

– У меня ж поход... – застонал Пашка. – Пеший переход по Карельскому перешейку на пять дней... Я не могу не пойти.

Мы обменялись со Светой взглядами, и я задумчиво забарабанил пальцами по столу:

– Свет, как его вытягивать будем? До экзаменов всего ничего осталось.

– Дневник, – коротко скомандовала Света, и Пашу выбросило из стула в прихожую как пружинной, только ветерок по кухне прошелестел.

Я еще раз восхитился ее командными навыками – мне бы такие.

– Вот. – Паштет преданно протянул изрядно помятый дневник.

– Листик найди... И карандаш.

Света принялась считать. Через минуту голосом, в котором слышался лязг танковых траков, подвела итог:

– Это ты, Паш, размышлял о среднем балле выше четырех. Оболтус! Три восемьдесят пять!

Паша полез перепроверять, я же прикинул в уме. Двенадцать предметов, повышение оценки по любому предмету на балл дает чуть менее одной десятой. Значит, надо как минимум два предмета по итогам года на балл повышать, чтобы вытянуть среднюю выше четырех. А лучше по трем.

Отобрал у Паштета дневник и проверил расклад по четвертям. Ну, все так и есть, надо алгебру с геометрией тянуть и химию – у него в первой четверти по ним была «четверка», а затем съехал на «тройки». Надо вытягивать по этим трем предметам с «троек» на «пятерки». Но он должен этого очень сильно захотеть. Впрочем, рецепт прост до примитивности.

– Паш, скажи мне правду, как есть, – ты хочешь в одной школе с Родиной учиться? – Я сразу зашел с козырного туза.

Паштет от неожиданной постановки вопроса потерял дар речи и судорожно втянул воздух. Затем, кое-как справившись с переполнявшими его эмоциями, задумался, глядя куда-то в угол кухни. Света весело подмигнула мне.

– Это... – Паша начал свою речь нетривиальным вступлением. – Да... – Он снова задумался. Потом решительно сказал: – Я готов впрячься сразу после каникул.

– Точно балбес, – огласила приговор Света. – Каникулы восемь дней, а поход – пять. Знаешь, сколько можно за три дня выучить? Не знаешь? Узнаешь. С какого по какое идете?

– С двадцать второго по двадцать пятое. Но у нас двадцать шестого дискотека школьная...

– И что, ты будешь весь день па разучивать, чтобы Иру в самое сердце поразить? Волосы бриолинить, стрелки на брюках наглаживать... – Свету понесло.

– Короче, Скифосовский! – подвел я черту. – Делаем так. Начинаем подготовку к переводным экзаменам с понедельника, с двадцать первого марта. А по окончании каникул будем после школы часа на полтора собираться. Повторяем все с самого начала по алгебре, геометрии и химии. Свет, ты что-нибудь возьмешь на себя?

– Да что угодно, – с готовностью откликнулась она.

Я призадумался, потом продолжил:

– Химию возьмешь? А я алгебру с геометрией.

– Возьму. Готовься, Паш, с таблицей Менделеева во сне встречаться.

Паша слабо застонал, обхватив голову руками. Потом дернулся:

– Кроме сред! У меня по средам занятия во Дворце пионеров в кружке. – Тут он встретился, как будто его кольнули шилом в седалище: – Ой, сегодня же среда! Засиделся, на кружок опаздываю!

Быстрыми глотками он влил в себя остатки какао и рванул в прихожую.

– Света, ты со мной до метро или остаешься?

– Э-э-э... Свет, если не торопишься, мы еще хотели темы по английскому посмотреть, – напомнил я. – И пока не забыл. На! Книга.

– Да-да, – быстро закивала Зорька, – я остаюсь. Ты, Паш, беги.

Паша торопливо натягивал на себя одежду и путано объяснял:

– В поход надо командира отряда выбрать. Сегодня. И комиссара. И аптечку не забыть, как в прошлый раз.

Закончив недолгие сборы, он выпрямился, светло улыбнулся, провел пятерней по волосам и, заговорщицки наклонившись ко мне, громко прошептал:

– Оставляю больного в надежных руках. Они и коня на скаку остановят, так что будь осторожен! – И выскользнул на площадку, увернувшись от двух прощальных туманов.

Ухмыляясь, я закрыл за ним дверь и на секунду замер, ощущая спиной внимательный взгляд. Чуть помедлив, повернулся – точно, Света настороженно зыркает на меня. А я что? Я ничего, и мыслей не было...

Затянувшуюся паузу прервала Зорька. Натянуто улыбаясь, она тряхнула волосами и спросила, как-то умудрившись при этом глянуть снизу вверх:

– Как тебе моя новая прическа?

Я окинул ее взглядом. Потом еще раз. Нет, ничего не изменилось. Более дурацкую прическу для нее трудно подобрать.

– Что, все так плохо? – нервно прервала она осмотр.

– Мм... – Я все никак не мог выбрать линию поведения. – Пошли на кухню. Начну с того, что я не помню старую. Впрочем, для мужчин это характерно – мы воспринимаем женский образ целиком, а не дробим его на компоненты. Мы сразу выставляем оценку, а попроси ее разложить по полочкам – испытываем затруднения.

– И какую же оценку ты мне выставляешь? – На скулах Светы опять загулял румянец волнения.

Идиот! И ведь сам завел разговор сюда... Быстрее возвращайся к прическе, это безопаснее.

– «Четыре». Но ее можно улучшить. Ты почему выбрала именно этот фасон?

– У Мирей Матье классно смотрится... – подавленно призналась она. – И Стрелка сделала, ей тоже здорово.

– Стрелка? – задумчиво потер я лоб.

– Ну Стрелкова. – Света удивленно посмотрела на меня.

Я напруг извилины. Нет у нас в классе такой.

– Из девятого «Б», – пришла на помощь Света, глядя на меня уже встревоженно.

Я наморщил лоб в титаническом усилии, и – о чудо! – из памяти вдруг удалось буквально выдавить достаточно яркий образ. По кухне в сопровождении подозрительного потрескивания почему-то поплыл запах сушеной полевой ромашки.

– Вспомнил! – расцвел я, взволнованно пройдясь вдоль стола, и покрутил головой в поисках источника запаха. – Уф... Вот, Света, так это и происходит, очередной кусочек памяти встал на место. А... ты запах какой-нибудь чувствуешь?

Я демонстративно втянул воздух. Зорька пару раз шмыгнула носом и с подозрением уставилась на меня:

- Какой запах?
- Ромашки. Сушеной.
- Не-а... ничем не пахнет таким.

Я еще раз принялся, повертев по сторонам головой. Запах стремительно таял, ромашек нигде не было видно. Глюк, что ли? Недоуменно пожав плечами, отодвинул мысль об этой странности на задний план.

Конечно, это никакой не «кусочек встал на место». Похоже, мне удалось выколотить что-то из памяти реципиента. Сам я Стрелкову вспомнить вряд ли мог, тем более так ярко. Да я о ней забыл сразу, как только она ушла из школы! Девчонки классом старше казались настолько недоступными, что даже задумываться о них не имело смысла. С глаз долой – из сердца вон.

– Смотри! – поднял я палец. – У Стрелки черты лица мелкие, как у мышки-погрызушки, маленький носик и ротик, яркие, но небольшие глазки. И форма лица – треугольная. Ей прямое каре идет. Во-первых, уменьшается площадь лица, за счет этого мелкие черты зрительно становятся крупнее. Плюс прямое каре приближает треугольное лицо к овальному, а подвитые внутрь кончики отвлекают внимание от острого подбородка. Поэтому ей эта стрижка подходит, так же как и Матье.

Зорька в изумленном молчании выслушала мой спич. Я мотылялся по кухне вправо-влево, активно жестикулируя рукой в такт фразам, являя собой живую иллюстрацию неистребимой привычки лектора ходить вдоль аудитории при раскручивании логических конструкций.

Еще раз внимательно и неторопливо осмотрел Свету. Она потупила глаза и нервно затеребила школьный передник.

- Пошли, – скомандовал я ей и, взяв стул, потащил к трюмо в прихожей. – Садись.

Зашел ей за спину и, положив ладонь на темя, повернул лицом к зеркалу – нечего на мне дыру вертеть взглядом. Затем широко загреб пятернями волосы и стянул к затылку, полностью открывая лицо, уши и шею. От неожиданности Светка дернулась и застыла столбиком, глядя в свое отражение.

- У тебя красивая форма лба, – начал я анализ, – симпатичные ушки...

Кончики ушей стремительно заалели. Мне даже показалось, что я запястьями ощущаю инфракрасное излучение. Поди, в темноте сейчас бы светились.

- Изящная шея, – продолжил я, наклоняясь, чтобы рассмотреть поближе. – Действительно изящная, с какого ракурса ни взгляни. Ключиц, к сожалению, не видно. Впрочем, к прическе они отношения не имеют...

Э-э-э... Похоже, я что-то не то делаю: Светка как-то подозрительно затихла, разомлев.

Я на мгновение запнулся, анализируя. О черт! Откуда-то, не спросившись у меня, в голос пролезла бархатисто-обволакивающая, идущая из живота хрипотца. И как только мои детские голосовые связки такое выдали? Кхекнул, сбивая их настройку, и резко продолжил:

- Зачем все это скрывать? Не говоря о том, что каре уменьшает площадь лица, зрительно увеличивая черты, а они у тебя и без того не мелкие.

Света вздрогнула, возвращаясь к реальности из каких-то своих далей.

Я усмехнулся про себя, вспомнив анекдот: «Пока он говорил ей «привет!», она успела выйти за него замуж и родить троих детей».

- У тебя классическая прямоугольная форма лица... – Я запнулся. Кого же она сейчас сильно напоминает? – Поэтому тебе надо визуально расширять область висков, а ты ее каре закрыла. Сейчас...

Я отпустил волосы, залез в выдвижной ящик и начал набирать мамины невидимки.

- Сейчас... Смотри... – Я начал перекладывать волосы в новое положение. – Вообще каре – не совсем твоя прическа, но раз уж сделала, то ее можно превратить в нечто более

симпатичное. Челку не прямо, а косо, с одним боковым разрывом. Вот так... Край волос вдоль лица отвести подальше назад. Концы каре загнуть не внутрь, а наружу... Как-то так...

Мы уставились в зеркало, с одинаковым удивлением взирая на результат.

«Однако... – подумал я. – Чуть другая укладка волос – и радикально иной имидж. Кого же она мне напоминает? У кого из актрис был такой типаж?..»

Света покрутила головой, постреляла глазами в зеркал^а трельяжа и с восторгом оглянулась на меня:

– Здорово! Так действительно гораздо лучше. Откуда ты в этом разбираешься?

– Э-э-э... У меня же тетя – парикмахер, я тебе говорил раньше? – сообразил я правдивую отмазку: моя тетя делала прически в гостинице «Москва». Не рассказывать же в самом деле, что моя жена любила таскать домой стопки журналов «для женщин?» Иногда что-то и мною прочитывалось...

– Не-а. – Внимание ее тут же переключилось на более животрепещущий вопрос: – Так мне что, косое каре носить лучше?

– Вообще говоря, твой стиль немного другой. Смотри. – Я снял все невидимки и снова оттянул волосы назад. – В идеале тебе надо иметь волосы средней длины, где-то до плеч или верха лопаток. Они должны свободно ниспадать вниз за ушами, оставляя их открытыми. Можно делать асимметрично, с одной стороны – за ушами, с другой – закрывают. А вот сверху волосы тебе лучше убирать назад, причем не в натяг, а создавая небольшой объем над челкой. Вот примерно так. – Я перехватил челку одной пятерней и смоделировал тот образ, который уже увидел.

Света с воодушевлением оценивала результат, с довольным видом поворачивая голову то вправо, то влево.

– Еще вариант для тебя – создать объем над челкой, а остальные волосы закрутить и уложить на затылке, – продолжил я.

«Типаж «расхитительницы гробниц», – неожиданно понял я. Именно типаж, отнюдь не копия. Губы совершенно другие, нет характерного носогубного треугольника, другой разрез глаз. Но форма лица, лба, выдающиеся челюсти, подбородок...

Хмыкнув, отпустил ее волосы и отошел.

– Вот как-то так... – протянул задумчиво. – Пошли теперь с темами по английскому разберемся.

Закрыв за Зорькой дверь, я некоторое время задумчиво постоял в прихожей, злобно постукивая костяшками кулака по упруго пружинящим квадратикам пеноплена. Чертовы психологи! Советуют в такой ситуации «вежливо дать понять, что любовь не будет взаимна и лучше переключиться на кого-нибудь другого». Идиоты! Как будто в голове у женщины есть указатель, который можно перещелкнуть волевым усилием.

Да у девушек при первой любви такой накал чувств, какой мужчина никогда себе представить не сможет! Она нашла своего избранника – и все, точка! Дальше идет сметающая все стихия. А у меня в качестве щита от нее только куцее предложение дружбы в руках.

Господи, как хорошо, что в СССР секса нет! Благодарю тебя за невинность этих детей. Лет через двадцать меня бы уже, возможно, ломали приемами вольной борьбы в партере. А тут пока старшеклассник может верить, что обмен генетической информацией между мужчиной и женщиной происходит со слюной при поцелуе. «А что, разве есть другие варианты?»

– Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает, – безбожно фальшивя, напел я. На душе было мутно.

Мама, вся распаренная от быстрой ходьбы, ворвалась в квартиру за двадцать минут до начала футбола.

– Уф, отпросилась пораньше на матч. Дюш, ставь пока ужин греть, я в душ.

– Яволь, мой командир! – Я изобразил пятками щелчок каблуками и метнулся на кухню.

Подтянув еду в комнату, мы с мамой оккупировали кресла и припали к экрану. Интересно, насколько изменился футбол за треть века? Мне дана редкая для неспециалиста возможность оценить эту эволюцию.

Черно-белое изображение и трансляция с одной-единственной камеры отчасти компенсировались отсутствием рекламы и Николаем Озеровым в качестве комментатора. Левитан советского спорта, в совершенстве сочетающий эмоциональность и интеллигентность в репортаже. Недостижимая, увы, высота для эпигонов.

Фигуры футболистов кажутся непривычно длинноногими из-за более коротких трусов и гетр, чем я привык видеть в последние годы. Поле, увы, в крайне плохом состоянии: мокрое и вязкое, с зеркалами луж вдоль бровок. Моросит дождь, в Киеве всего три градуса тепла. Тем не менее на трибунах киевского стадиона собралось сто тысяч зрителей. Мельком показали Лобановского, который уселся на скамейку и начал привычно качать свой маятник. Вот у кого на прессе кубики должны быть рельефными!

– Мученик, – с сочувствием отреагировала мама.

Озеров оглашает составы команд. Увы, Герда Мюллера в составе «Баварии» нет из-за травмы. Жаль, я бы посмотрел на эту звезду. А «Бавария» – то – действующий обладатель Кубка чемпионов. Величина, однако! И в первом матче наши проиграли в Мюнхене лишь 1:0. Шансы есть. Только вперед, оле-оле-оле!!! Мама с удивлением косится на меня, – кажется, последнее я напел вслух.

А на предыдущем этапе киевляне, оказывается, разнесли греческий ПАОК с суммарным счетом 6:0. Судя по всему, мы сильны. Поехали!

Минут через пятнадцать я немного разочарованно откинулся назад. Что можно сказать... А футбол-то тут попроще. И тактически более прямолинейный, и командные скорости ниже, и индивидуальная оснащенность поуже что у наших, что у немцев. Против этой хваленной «Баварии» и наш «Терек» фаворитом смотрелся бы, пожалуй... Но приятно, что и наши, и немцы бегают с горящими глазами. А это в футболе чуть ли не главное.

О! Скоростной прорыв Блохина прервали подсечкой в штрафной площадке, и судья совершенно справедливо назначает пенальти. Олег и взялся исполнить. Как-то кривоного подбежал к мячу и вмазал несильно: вратарь угадал направление и коснулся мяча. Удар в штангу, рикошет от нее в голову вратаря – и обратно впритирку с все той же многострадальной стойкой за лицевую. Офигеть какой облом... Второй пенальти не дадут, а немцы обороняются четко. Сушат игру, на удержание действуют, хотят на классе пройти дальше.

Перерыв. Мы с мамой наперегонки рванули к объекту стратегического назначения, где я, как джентльмен, уступил, направившись на кухню ставить чайник. Хоть футбол и ниже классом, но в напряжении все равно держит по полной. По игре шансы есть, но где-то фифти-фифти. А забить-то надо два и не пропустить ни одного. Задача...

После перерыва немцы окончательно перешли к катеначчо. А наши продолжали виться вокруг штрафной противника. Блохин – красавец, конечно. Таких скоростных игроков у нас только два на моей памяти и было: он да Беланов. Но если Беланов просто очень быстро бегал (или будет бегать, как правильно говорить в моем случае?), то Блохин еще и дриблинг на скорости показывает. Хотя, разумеется, на таком поле скоростной дриблинг уместен, как балет в ямальской тундре.

Все ближе и ближе к свистку, немцы откровенно тянут время, осталось лишь десять минут. Упс!.. Фол на Блохине в штрафной – и еще один пенальти. Странно, я помню разговоры, что «советских» засуживали в Европе. Но тут второй пенальти против действующего обладателя Кубка... Все по-честному.

Пошел бить Леонид Буряк. Короткий разбег, удар, гол!!! Обманул вратаря Леонид, ударил прямо по центру. По итогам двух матчей ничья, один-один. И восемь минут до конца. Дело идет к серии пенальти. Немцам такая рулетка не по нраву: пошли вперед. Теперь наши судорожно обороняются, сев в своей штрафной и откровенно вынося мячи. Давит наших немецкая машина. Опасно...

Осталось немного вытерпеть, две минуты до свистка. Перехват мяча, пас на Блохина, и он рвется в прорыв по левому флангу. Обошел одного, отрывается от второго... Мля! Этот нехороший человек Блохе чуть ногу не оторвал подкатом сзади! Очень жесткий фол. И даже карточки нет... Только штрафной с левого фланга, метров за двадцать от лицевой.

А-а-а-а!!! Навес Буряка в штрафную, и сыгравший на классическом опережении у ближней штанги Слободян заносит мяч в ворота. Два-ноль!! Оле-оле-оле!!!

Йес! Финальный свисток, мы прошли!!! Мы с мамой одновременно выпускаем вздох облегчения. Стотысячный стадион ликует. Охрипшим голосом счастливый Озеров заканчивает репортаж. С поля, опустив голову, бредет поверженная «Бавария». Победа!

Сразу после окончания футбола, без всяких рекламных пауз, началась программа «Время». Мама ушуршала на кухню, а я остался слушать, чем живет страна.

В блоке официальной информации сообщили о назначении секретаря ЦК КПСС товарища Катушева заместителем Председателя Совета Министров СССР. Отмечено, что зоной его ответственности является взаимодействие со странами СЭВ.

Затем погнали примерно десятиминутный блок «Шаги десятой пятилетки». Хотя «погнали» – не про советские новости. Никаких скороговорок, быстрого переключения между сюжетами. Напротив, дикторы с хорошо поставленным голосом неторопливо зачитывают официоз, съемка сюжета идет преимущественно длинными планами.

Лозунги выглядят вполне разумно, хотя и звучат излишне протокольно: «Пятилетке качества – рабочую гарантию», «От высокого качества работы каждого – к высокой эффективности труда коллектива», «Рабочая совесть – лучший контролер».

Вообще слова «эффективность», «качество», «производительность труда» встречаются часто. Ругают «вал», который губит то самое качество, за которое надо бороться. Между делом мелькнула поразившая меня цифра 27 % – на столько планируется за пять лет поднять производительность труда. «Нехилая задачка поставлена», – присвистнул я с уважением.

– Десятая пятилетка – пятилетка эффективности и качества, – с экрана на фоне работающего конвейера выступал парторг цеха Кировского завода. – Качества не только станков или автомобилей, но и всей нашей работы, отношений между людьми, коммунистических черт советского человека. Красивый труд предполагает и отличный результат человеческой деятельности: высококачественное изделие, добротный построенный комфортабельный дом, вкусно приготовленное блюдо, совершенный прибор или механизм. Забота о качестве выходит далеко за рамки производственных задач, она является составной частью советской морали.

«Красиво говорит, и без бумажки, с чувством, от себя», – подивился я.

Прошли сразу два сюжета с достаточно острой критикой. Сначала заместитель главного конструктора «Уралмаша» пожаловался на засилье бюрократии. Для принятия к производству более совершенной конструкции стиральной машины «Малютка» им пришлось согласовывать технические условия с пятью министерствами и шестнадцатью институтами. Под документом поставили свои подписи пятьдесят шесть должностных лиц.

Затем жестко проехали по Министерству путей сообщения, которое выполняет план подачи вагонов лесозаготовителям лишь на пятьдесят процентов, в результате чего гниют уже срубленные деревья.

– Что толку из того, что тысячи людей рубят ангарский и енисейский лес, сплавляют, выгружают на берег, если он здесь годами гниет? – гневно вопрошает ведущий за видеорядом с рубкой леса. – Территория складов на лесоперевалочных базах загружена нескончаемыми

рядами штабелей из посеревших от времени бревен. В погрузочных пунктах Союза скопилось свыше двадцати миллионов кубометров лесоматериалов.

«По крайней мере, критика присутствует. И задачи, в общем, формулируются правильные, – отметил я с удовольствием. – Кстати, больших переборов с восхвалением Брежнева и партии нет. Ожидал худшего».

Центральное место среди международных новостей занял сюжет об убийстве в окрестностях Бейрута «видного ливанского политика, основателя Прогрессивно-социалистической партии Ливана, лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Камиля Джумבלата». Насколько я помню, это лидер ливанских друзей – у них семейство Джумблатов княжит из поколения в поколение.

После этой новости сюжеты о росте забастовочного движения в странах Запада и борьбе за мир во всем мире выглядели пресно.

В разделе культуры сообщили о решении создать в городе Биробиджане филармонию, а на ее базе – Камерный еврейский музыкальный театр.

Я, согнувшись, захрюкал от смеха.

– Ты чего? – встревоженно спросила зашедшая в комнату мама.

– Ох... – Я вытер слезы. – Новость услышал и анекдот, э-э-э... придумал.

– Давай, – сказала мама заинтересованно.

– Политический.

– Не рано начинаешь?

Я мотнул головой.

– Ну все равно давай, – решила мама.

– Приходит Демичев, который министр культуры, к Брежневу, – начал я, – и говорит: «Леонид Ильич! Тут от группы товарищей поступило предложение открыть еврейский камерный театр. Что вы по этому поводу думаете?» Брежнев: «В целом хорошее, своевременное предложение, товарищ Демичев. А на сколько камер?»

Мама со смехом взлохматила мне волосы:

– Неплохо для начала. В школе только не трепись.

– Да знаю... – протянул я. – Зачем мне дешевая популярность?

Тем временем на экране с голов в ворота «Баварии» начался спортивный блок. Вообще хорошо, что я за давностью лет совершенно не помню результатов таких матчей, – можно смело смотреть их по второму кругу.

Еще фрагмент из Тбилиси, где прошел товарищеский матч по футболу между «Динамо» Тбилиси и сборной СССР, – прощальная игра капитана сборной страны Муртаза Хурцилавы. Сборники на руках проносят Муртаза вокруг поля. Повязка капитана сборной передана Евгению Ловчеву. Что-то не запомнился он мне в прошлом в этой роли...

Вот и прогноз погоды – поплыли по экрану строчки с городами необъятной страны, зазвучала мелодия оркестра Франка Пурселя, и мама, негромко намурлыкивая: «Я прошу тебя простить, как будто птицу в небо отпустить», стала собирать с журнального столика посуду. Я задержался, глядя на экран: ничего приятного не обещают в Питере, слякоть продолжится.

Потянувшись, выбрался из кресла. Учиться уже не тянет, чем бы еще заняться? О, идея! Я направился к «Ригонде»: послушаю, что «голоса» говорят на средних волнах.

Мягко вдавилась кнопка «сеть», и шкалу откуда-то снизу залила теплая подсветка. В динамиках засвистело и защелкало. Теперь кнопка «СВ», и начинаю покручивать правую ручку, наблюдая, как стрелка скользит мимо заманчивых надписей: «Берлин», «Люксембург», «Тирана», «Лейпциг», «Бухарест»... Нарвался на Би-би-си на английском, конец международного блока. Достаточно равнодушно обсуждают резню, которую устроили друзья в двух христианских деревнях в отместку за смерть Джумבלата. Погибших более сотни, в основном женщины и дети. Пафоса осуждения в голосах ведущих не слышно – скорее витает нечто фило-

софское, вроде «так устроен этот мир» вперемешку с «да пусть они там хоть все друг друга перережут».

Кручу дальше, ищу что-нибудь русскоязычное. О, есть... Не пойму, то ли «Голос Америки», то ли та же самая Би-би-си на русском:

«По сообщениям из Москвы вчера КГБ арестовал отказника и активиста борьбы за права человека Натана Щаранского. Это уже пятый арест среди членов Московской Хельсинкской группы за последние два месяца. В феврале были арестованы руководитель группы академик Юрий Орлов, распорядитель общественного фонда помощи Алексей Гинзбург, руководитель Украинской Хельсинкской группы Николай Руденко и один из основателей украинской группы Алексей Тихий».

Да... Я удивленно покачал головой. В интересное время попал – сколько событий сразу. Тут мне и «Динамо» Киев – «Бавария», и Джумבלата завалили, и Щаранского арестовали...

Натан, конечно, парень был упертый, три года еженедельно выходил на улицы Москвы с плакатами за свободу эмиграции. Что интересно, ничего ему за это от «кровавой гэбни» не было, пока не слил агенту РУМО США список, составленный при опросе других отказников. А там – более тысячи закрытых предприятий и институтов СССР с указанием расположения, профиля деятельности, выпускаемой продукции, тем исследований, руководителей, телефонов ключевых сотрудников... Такая вот «правозащитная» информация.

Самое смешное, что американцы потом сами же его и сдали. Опубликовали в одной из газет статью «Русские косвенно раскрывают свои секреты», а потом подставили под арест ее автора. На допросе в КГБ последний, даже не дожидаясь вопросов, быстренько сдал информацию о своем источнике. Для идеологической борьбы требовались «жертвы» советского режима; если их не доставало, то они готовились по спецзаказу.

Ладно, пока суд да дело, поучу темы по английскому. Надо их тупо зазубрить, чтобы не использовать при пересказе нехарактерную лексику. Вытянул наугад лист и забубнил несложный текст, поражаясь тому, как легко укладываются в память полужнакомые фразы. Похоже, с обучаемостью у меня проблем не будет.

Глава 3

Суббота 19 марта 1977 года, 07:45

Ленинград, Измайловский проспект

– Вставай, засоня! – Меня затеребили чьи-то руки.

– А?..

– Вставай, поднимайся, рабочий народ, – пропела мама. – Вставай на врагов, брат голодный!

– Господи, – очнулся я. – Чур меня, чур. Не надо меня по утрам рабочей марсельезой пугать, а то начну спросонья под кроватью мозолистой рукой винтовку искать... И что ты будешь делать, если я ее таки найду?!

Мама, довольно хихикая, улизнула на кухню. Отбросив одеяло, я упруго поджал колени к подбородку и резко вскочил, добившись от кровати недовольно-жалобного скрипа. Повертел головой, пара наклонов вниз и вбок, сложил руки в замок и крутанулся вправо-влево. Прекрасно! Ничего нигде не болит, даже не верится. Сон слетел, как и не было, голова сразу стала яснее ясного, и жрать хочется не по-детски. Давно забытый зверский аппетит – как ты прекрасен в процессе своего утоления!

Закончив гигиенические процедуры, критически осмотрел себя в зеркале. Шишак за прошедшие дни немного спал, однако по-прежнему отчетливо выдавался вперед, как будто с этой стороны лба у меня режется рог. Синюшность начала свой закономерный переход в зелень и постепенно стекала к надбровью. Ссадина засохла бурыми корочками. В общем, сомнений в том, что я серьезно пострадал головой, ни у кого возникнуть не должно.

Меня начал бить предстартовый мандраж – сейчас произойдет первый выход в люди, каким-то он получится? Хорошо бы не сильно накосячить. Совсем не косячить не удастся, Светка вон изменения заметила на раз. Главное, чтобы их можно было разумно объяснить. А с этим, я тяжело вздохнул, непросто. Один серьезный прокол уже допустил – со слиянием классов. В общем, рецепт универсален: «Побольше молчи – и сойдешь за умного».

Напевая:

– Голова повязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве, – я вышел из ванной.

– Так, чтоб не копался, через сорок минут стартовал в школу, – инструктирует мама, в паузах между фразами нанося помадой последние штрихи. – Талон на обед на холодильнике. Я сегодня у Митрофановны пораньше отпрошусь, часам к пяти буду дома. Да! Сменку не забудь.

– Уже в портфеле.

– И справку от врача в портфель положи прямо сейчас.

– Да я с вечера уже положил, когда портфель собирал, не волнуйся.

– Мм... – Мама с сомнением посмотрела на меня. – Портфель с вечера собрал? Это что-то новенькое в программе нашего цирка. Может, ты еще с вечера начнешь и обувь свою чистить?

– Ага, чистить обувь вечером, чтобы с утра надевать на свежую голову, – согласился я, переминаясь с ноги на ногу. Аппетит перешел в голод, и меня как магнитом тянуло на кухню, из которой несся соблазнительный аромат запеканки. – Давай беги в свою БАНю¹, опоздаешь.

Мама крутанулась от зеркала, впрыгнула в сапожки и уже в дверях пожелала:

– Удачи на контрах, ни пуха ни пера!

¹ БАН – Библиотека Академии наук СССР.

– К черту, – постучал я по косяку, закрыл входную дверь и, нетерпеливо урча, рванул на запах.

В чреве еще горячей духовки покоилась чугунная сковородка, а в ней – моя прелесть! – восхитительное, с золотистой хрустящей корочкой, полукружье запеканки с изюмом. Лет до двадцати пяти лишний холестерин в организме не задерживается, поэтому я смело шмякнул поверх этого великолепия две ложки густой сметаны, посыпал сахаром, и за ушами затрещало.

Из радио донеслись знакомые аккорды, а затем тонкий девичий голосок энергично воскликнул:

– Здравствуйте, ребята!

И сразу за ним уже мальчишечий:

– Слушайте «Пионерскую зорьку»!

– Давайте, пацаны и пацанки, зажгите утро! – откликнулся я с готовностью.

Прихлебывая ароматный чай с лимоном, я наслаждаюсь радио. Не оторваться, честно! Высочайший профессионализм и редкого качества атмосферность. Надо иметь немерено таланта, чтобы на протяжении всего выпуска так поддерживать высокую ноту оптимизма и вливать такой заряд энергии, ни разу при этом не сфальшивив. К концу передачи казалось, что даже подмороженный сумрак за окном тепло подсвечен добрыми ожиданиями. Совершенно неожиданно поймал себя на том, что с задором подпеваю вслух, похлопывая ладонями по столу в такт мелодии: *«Буквы разные писать тонким перышком в тетрадь...»*²

Шмяк. Я почти физически почувствовал, как от души с противным треском оторвалась и улетела куда-то вниз, рассыпаясь, чешуйка цинизма, одна из многих, накопленных за последние десятилетия. Пока только первый фрагмент той брони, что нарастала надо мной из года в год, как ледовый щит Гренландии, отгораживая от живительного тепла этого мира. Приятно щекотнула радость очищения, родственная тому почти животному удовольствию, что возникает в бане после долгого похода, в котором уже привычно не ощущаешь на себе корку из пота и грязи.

Я прислушался к себе. Пожалуй... пожалуй, я только что разменял часть накопленной стервозности на заряд идеализма. И этот размен пришелся мне по душе. На мир вокруг искрящейся изморозью опустился тонкий налет доброй сказочности.

И пусть кто-нибудь, скривив харю, бросит мне за это презрительное «совок» – да я лучше буду верить в сказку, чем в мир из сволочей вокруг! Каждый слышит, как он дышит! Мне нравится жить в атмосфере социального оптимизма и братства и не мерить счастье батонами сожранной колбасы на душу человека.

Я замер, почувствовав, что только что задел краем какую-то важную мысль. Ухватившись за только что прочувствованное, начал осторожно разматывать клубок:

«Атмосфера социального оптимизма и братства. Да, это она, квинтэссенция СССР. Впервые в истории человечества удалось добиться преобладания такого мироощущения в обществе. Именно ее, этой атмосферы, мне так остро не хватало там, откуда я, слава тебе господи, вырвался. Именно по ней я, сам того не осознавая, ностальгировал. Кто ее не ощущал, тот этой ностальгии не поймет. Поди объясни слепому концепцию цвета или глухому – звука. Поди объясни, как это ощущать всем существом, что это – МОЯ страна, это – МОЙ народ».

Я пружинисто выпрямился посреди кухни, повернувшись лицом на юг, и прикрыл глаза. Мысленно потянулся правой рукой на запад. Вот мой Таллин с моим Старым городом, и я погладил мыслью крепостную стену. Моя Рига, мой Домский собор – я нежно обвел указательным пальцем вокруг шпиля. Дальше, дальше на запад. Мои леса Игнаины пощекотали ладонь и смочили брызгами озер. Моя Куршская коса – я зачерпнул и любовно просыпал между паль-

² Песня «Чему учат в школе» на слова М. Пляцковского, муз. В. Шаинского.

цами золото дюны. Вот царапнули обильно политые кровью моего народа проломы в метровых стенах фортов Кенигсберга. Какой, к черту, Калининград! Только Кенигсберг. Мой!

Медленно повернул голову, окидывая мысленным взором свою страну. Провел левой ладонью над болотистыми меандрами Припяти и Волынской возвышенностью, лиманами Одессы, бухточками Крыма, высоким правым берегом Днепра. Мой Кавказ, Арал, Бухара. Мои белорусы и украинцы, грузины и казахи, узбеки и киргизы, мои евреи, немцы, буряты. Мой Сахалин и шершавый край моей Камчатки.

Я стоял посреди кухни, раскинув руки крестом на треть планеты. Это МОЯ страна, в ней живут МОИ люди! Я здесь хозяин!

– Не отдам, суки! – выдыхаю с ненавистью.

Сорвавшаяся фраза сняла концентрацию транса, и я осторожно опустился на стул, к остывшему чаю, додумывать мысль.

Все, чего здесь не хватает, – свободы. Возможно ли налить в общество свободы, не потеряв при этом в оптимизме и братстве, не получив на выходе атомизированного социума? Я совершенно не хотел терять ощущение единения со страной.

Или свобода и братство не живут вместе? «Свобода, равенство и братство» – это волк, коза и капуста?

Хм, одно в этом лозунге уже неверно, надо вычеркнуть. В равенство я давно не верю. Даже не так. Я знаю, что оно невозможно. Чисто биологически. Любое человеческое общество автоматически выстраивает иерархию, потому что стремление к доминированию у мужчин – это один из базовых инстинктов. Любые искусственные попытки добиться формального равенства, будь то монашеские или коммунистические общины, очень быстро скатывались к естественно возникающему неравенству. И люди воспринимали такое неравенство как справедливое.

Общество не сможет взять вверх над этим сильнейшим инстинктом без серьезного изменения биологической природы человека. А до этого ой как далеко. Да и вредно подавлять стремление к доминированию. Весь прогресс человечества держится на нем. Надо стремиться не к равенству, а к справедливости неравенства.

Остаются свобода и братство. Неужели это два несовместимых полюса, неужели ситуация – «или-или?»

Я замер, размышляя. Хм... Кажется, я вижу тропинку. Жаль, время поджигает, пора в школу бежать. Не доверяя памяти в столь важном вопросе, заскочил в комнату и набросал на листке цепочку смысловых якорей:

«Элита и не элита. Не элита – неспособное к критическому осмыслению большинство, управляемое элитой. Минусы управления при тоталитаризме, авторитаризме, демократии. Авторитаризм элиты – «золотая середина»? При наличии свободной конкуренции групп элит и исправном социальном лифте. Левое конфуцианство».

Куда бы засунуть? А то вопросов от родителей не оберешься... Вот, в детскую энциклопедию, том третий, «Числа и фигуры. Вещество и энергия». Вряд ли они начнут ее листать.

Я вышел из подворотни на проспект, пересек пустую проезжую часть наискосок и двинулся в сторону собора. Да, как-то отвык я от такого накала, слушая всякий жмых в FM-диапазоне. Почему-то отмена цензуры не привела к появлению шедевров, напротив, заметно снизил общий уровень. Разве можно было сказать про какую-нибудь программу на радио ТАМ, что это произведение искусства? Да даже поставить вопрос так никому в голову не придет! А здесь об этом невольно задумываешься.

«Классную, кстати, идею с точки зрения пиара кто-то выдал», – вспомнил я фрагмент передачи: собрать школьников – победителей сбора металлолома в Магнитогорске и дать

поучаствовать в плавке собранного металла. Я бы и сам не отказался в таком мероприятии поучаствовать.

Мысль скакнула к увиденному вчера во «Времени». Скалистый, заросший тайгой отрог Давана, на котором краской нарисована громадная подкова. Рядом – монструозная конструкция, хищно нацеленная на кряж. Минус пятьдесят. Начало прокладки байкальского тоннеля у поселка Гоуджент. Тоннельный отряд – почти сплошной молодняк, средний возраст двадцать два года, добровольцы со всего Союза: латыши, грузины, казахи, ну и русские, конечно... И в таком возрасте что делают! Десантировались в необжитую тайгу, в палатках жили с топорами и бензопилами в обнимку. За полтора года поселок поставили, подготовили площадки для приема тяжелой техники и, вообще фантастика, сами на месте ее освоили. Это японские-то горнопроходческие рамы! Без всяких институтов! А там сложностей – масса, и дисциплина должна быть как на подводной лодке. Я шалею... Иностранные специалисты отказались работать в таких условиях за любые деньги, многие ученые сомневались, что это вообще возможно – прорыть здесь тоннель. А наши начали вчера рыть. И, я-то знаю, проруют.

Но даже не это главное. Лица – вот что меня зацепило. Спокойная уверенность в своей правоте. Закутанный по глаза корреспондент сочувственно спрашивает: «Сложно?» И один из них, глядя поверх камеры, отвечает без всякого намека на патетику: «Коммунизм всегда непросто строить. Но мы строим его здесь и сейчас. На века, – и, слегка разведя руки, словно обводя мир, – для всех».

Куда, в какую тектоническую расщелину провалится способ воспитывать ТАКИХ людей, умеющих так чувствовать мир и такое делать в таком возрасте?!

Я злобно потряс головой и начал переходить проспект Москвиной. Взгляд застрял на стоявшей через дорогу часовне. Всплыло в памяти, что она построена в честь спасения Николая Второго при покушении на него в Японии. Засмотрелся до того, что пришлось отпрыгивать от недовольно загудевшего троллейбуса, подкравшегося ко мне со стороны Лермонтовского проспекта. Да, было бы смешно профукать свой шанс под колесами общественного транспорта на полупустой улице...

Чем ближе к школе, тем гуще становился поток детей. И, что характерно, никаких родителей или бабушек с дедушками. Даже первоклашки идут в школу в одиночку. Никто даже представить себе не может, что такой поход таит для ребенка какую-нибудь опасность. Слово «маньяк» тут еще неизвестно.

Кстати... Если брейнсёрфинг проявится, надо будет местными маньяками заняться. С этой мыслью я пересек порог своей школы и завертел головой, узнавая-вспоминая.

Она отчетливо уменьшилась в размерах и облупилась. Коридоры, запомнившиеся своей немереной длиной, укоротились, потолки опустились, на стенах по краске змеятся ранее не замечавшиеся трещинки. Выщербленный кое-где кафель на полу, слабенькое освещение, поскрипывающие дверные петли, потеки и капли масляной краски.

У входа на лестницу, ведущую к классам, двое дежурных старшеклассников с красными повязками на левом предплечье проверяют, поменяна ли уличная обувь. Я нырнул в подвал, где в страшном гвалте и веселой толчее производится переодевание и переобувание. Быстрей, быстрей – и наверх, в класс математики и геометрии.

Черт! Я затормозил буквально в трех метрах от двери класса. Ы-ы-ы... Аж застонал от досады. Я же не помню, где и с кем сижу. Подготовился к школе, нечего сказать! Идиот...

Быстро развернулся и решительно двинулся назад, в направлении туалета. Стоять в коридоре с потерянными видом? Увольте.

Не успел я пройти и пятнадцати шагов, как с лестничной площадки навстречу мне шагнула Зорька. Боюсь, она неправильно истолковала ту нескрываемую радость, которую я испытывал при этой нечаянной встрече: засветилась так, что мне стало стыдно.

– Ой, Свет, классно выглядишь! – Я умудрился перестроиться буквально за долю секунды.

– Как выгляжу? – Изумленно подняв брови, она остановилась напротив меня.

– Э-э-э... Первокласно! – сообразил я. Внимательно осмотрел ее еще раз с ног до головы и, кивнув, добавил: – Честно.

Света потупилась, зардевшись. Прелесть, ей-богу, чистейшей прелести чистейший образец. Жаль, что не мой типаж. Но если ей в будущем удастся немного разбавить властность женственностью, то от многочисленных ухажеров придется отбиваться. С этими мыслями я развернулся, и мы неспешно направились в сторону класса. С двух сторон нас обтекал мелеющий ручеек пробегающих мимо школьников – вот-вот прозвучит звонок.

– Свет, – начал я мягко, слегка наклонив голову в ее сторону, – а где и с кем я сижу на геометрии?

– А?... – вырвалась она из своих размышлений и буквально через мгновение спокойно выдала ответ: – С Валдисом, левый ряд, третья парта, справа.

Похоже, мои провалы в памяти перестали ее шокировать.

– А ты сильно изменился, – задумчиво произнесла она, когда до дверей класса осталось шагов семь.

– Надеюсь, в лучшую сторону? – нервно выдавил я голливудскую улыбку.

– Да... – как-то неуверенно протянула Света. – Пожалуй...

– Что-то не слышно в голосе убежденности. – Я приостановился, пропуская ее вперед, и осторожно спросил в спину: – А какой я был раньше?

– Доброе утро, – поздоровалась, заходя в класс, Света и, обернувшись ко мне, ответила с ехидцей: – Капризный взбалмошный мальчишка.

– Доброе утро, – повторил я, переступая через порог, но был прерван восторженными возгласами:

– Уи-и! Светка! Наконец-то ты сказала это ему! В лицо! – Сидящая за ближней к входу партой Женя радостно захлопала в ладоши и подалась вперед, надеясь в полной мере насладиться из своего партера намечающейся сценой.

Я меланхолично улыбнулся, обдумывая, надо ли как-то реагировать, но тут раздался звонок, и вопрос отпал.

– Привет, привет, привет!.. – Пожимая руки парням, я пробирался к цели.

– Привет! – протянул мне для очередного рукопожатия ладонь Армен. – Что-то рано у тебя рожки начали пробиваться, – добавил он, демонстративно разглядывая мою шишку.

Вокруг захихикали.

– И тебе привет! – Пожав его кисть, я не выпустил ее из руки, а развернул вверх, перехватил у запястья и начал, улыбаясь, рассматривать. Посмотреть, кстати, было на что – изящно вытянутая ладонь, длинные и тонкие пальцы будущего профессионального скрипача. Сам Ара тоже весь из себя такой изящный армянский мальчик с постоянным румянцем на щеках и длинными, загнутыми почти к бровям мохнатыми ресницами броского черного цвета. Сейчас он почувал недоброе, и румянец усилился.

– Да... – задумчиво покачал я головой и еще раз усмехнулся.

– Что? – занервничал Ара.

– Да анекдот вспомнил.

– Какой? – повелся он.

Я обвел взглядом притихший класс. Все повернули головы в нашу сторону, ожидая продолжения. В просвете дверного проема маячила Биссектриса – она активно мигала мне, прижав палец к губам, требуя анонсированного анекдота.

– Ну, – начал я, по-прежнему не выпуская кисть товарища из рук, – пошел как-то Ара на свидание с девушкой... – Переждал пару секунд вспыхнувшие смешки, зафиксировал

взгляд на Ире Ключевой, к которой, насколько я помню, Армен был равнодушен. – Ира его и спрашивает... – Тут я скорчил умильную физиономию, похлопал ресницами и, жеманно растягивая слова, выдал: – «Ара, у тебя такая изящная кисть, такие тонкие, длинные пальцы. Ты, наверное, скрипач?»

По классу прошелся короткий ржач, но все быстро замолкли, ожидая продолжения. Ара расслабился, мечтательно заулыбавшись. А зря.

– «Нэт, – я начал пародировать кавказский говор, хотя Армен говорит по-русски исключительно чисто, – я лабарант, прабырки мою». – И, растопырив пятерню, сделал жест «вперед-назад», демонстрируя, для чего именно хорошо подходят тонкие и длинные пальцы Ары.

Отпустив наконец многострадальную кисть, я сел на место. Через пару секунд класс взорвался восторженным хохотом. Сема Резник, привычно балансировавший на двух ножках стула, потерял равновесие и с выражением полного изумления на лице грохнулся на пол. Веселье, начавшее было затихать, пошло на второй круг.

Биссектриса просочилась к доске и имитировала протирание чистой поверхности влажной тряпкой, спина ее тряслась от с трудом сдерживаемого смеха.

– Привет! – протянул я руку Валдису и поморщился от боли в кисти. Совсем забыл его милую привычку выжимать при рукопожатии шестьдесят килограммов. Здоровый бык, истинный ариец, будущий профессор математики в Йельском университете. Впрочем, может быть, не в этот раз.

– Доброе утро! – Биссектриса повернулась к нам лицом, глаза ее весело блеснули.

– Доброе утро! – нестройным хором откликнулся класс, в котором то тут, то там продолжали вспыхивать смешки и перешептывания.

Биссектриса внимательно обвела всех взглядом, прислушалась к гуляющему по комнате шуму и решительно прихлопнула классным журналом по столу. Тут же наступила тишина. Чуть наклонив голову к плечу, учительница пару секунд вслушивалась в тишину и потом одобрительно кивнула головой, признавая дегустацию удавшейся.

В сознании у меня приятной высокой нотой лопнуло драже с лимонно-мятным запахом, и я вспомнил происхождение ее прозвища.

В начале года она как-то встала у доски, подняла к потолку слегка выгнутый указательный палец и, обведя класс шальным, каким-то ведьмовским косоватым взглядом, по секрету громким театральным шепотом поведала:

– Биссектриса – это такая крыса, которая бежит по углам и делит угол пополам.

Кличка прилипла намертво. Впрочем, похоже, ей это даже нравится.

Я мотнул головой, отгоняя воспоминание, и углубился в решение задач.

На второй перемене я смог чуть расслабиться. Никто не кричал: «Ату его, ату!», не задавал неудобных вопросов и не косился с подозрением. Первый этап инфильтрации проходит успешно. На геометрии отстрелялся нормально и теперь ожидал заслуженной «пятерки». На биологии я вообще расслабился, для меня это уровень детского сада. А сейчас и вовсе лафа будет – физра, от которой у меня освобождение. Радостно посвистывая, я направился в зал.

– Добрый день, – поприветствовал физручку, которая проворно закрывала окна после проветривания.

– Ты что без формы? – встретила меня вопросом Тамара Борисовна. – А-а-а... – понимающе протянула, заметив мой синячище.

Я молча извлек из портфеля справку и протянул ей.

– Куда-то влетел или подрался?

– Влетел. Поскользнулся, упал... – заученно повторил я.

– Садись на лавку, – махнула она рукой.

Я послушно уселся на длинную низкую скамью и опять воткнулся в темы по английскому.

Первыми в зал ворвались ребята и сразу затеяли нечто похожее на регби, которое, похоже, искренне считали баскетболом. Ближе к звонку начали впархивать девчата. С интересом изучил фигурки: трансформация в девушек началась у всех, вызывая стыдливую сутулость в попытках скрыть происходящие изменения.

Зря стесняются, конечно. Вон пусть берут пример с Наташки Кузенковой. Наша первая красавица вплыла в зал, гордо распрямив спину, и, как крейсер среди каботажных лоханок противника, принялась расстреливать суетливо задержавшихся мальчишек залпами своих стервозных карих глаз. Попавшие под артобстрел ребята вздрагивали и отдергивали взгляд, срочно начиная интересоваться всяко-разно важными вопросами – разволокненным концом каната, шнурками на кедах, баскетбольным кольцом...

Вот очередь дошла и до меня: приняв – видимо, на чистом инстинкте – максимально выигрышную при осмотре проекцию, Кузя взмахнула ресницами и вlepила очередной залп из своих башенных орудий. Несмотря на всю готовность и жизненный опыт, меня слегка контузило – зачастило сердце, покраснели щеки, захотелось отвести взгляд.

«Сильна, чертовка!» – Я постарался непринужденно откинуться на стену и насмешливо усмехнулся в ответ.

«Осечка», – недоумением отразилось у нее в глазах. На мгновение изумленно замерев, Кузя парой легких шагов сократила дистанцию, чуть склонила голову, прицельно улыбнулась и саданула в меня взглядом с прямой наводки.

Я нагловато облизал ее взором с ног до головы.

Подойдя вплотную, она наклонилась, упершись ладонями в колени, и с веселым удивлением пристально осмотрела меня.

Странно, она же почти брюнетка, а на носу у нее россыпь мелких конопушек, правда, не рыжих, а темно-коричневых. Никогда раньше не обращал на это внимания.

– Ты, Соколов, как я посмотрю, много думать о себе стал, – ласково пропела она обвинительный приговор.

– Что ты! – не задумываясь, откликнулся я. – Как можно думать о себе, когда есть ты? Кстати, только сейчас заметил, что у тебя веснушки. Заба-а-авные... – с придыханием протянул я. – Кузя, зачем ты их от меня прятала, а?

Такого сопротивления от учебно-тренировочной мишени Наташа явно не ожидала и, недоуменно заломив брови, приступила к переоценке диспозиции. «Так тебе! – злорадно подумал я, разглядывая румянец досады на глянцевых щечках. – Это тебе не безоружные конвои топить в рейдерской атаке. На каждый крейсер найдется свой линкор».

Тут в спортзал влетела Зорька и, мгновенно оценив ситуацию, пошла на сближение, словно торпедоносец-камикадзе, взявший боевой курс.

– Аларм, – сообщил я вполголоса.

Кузя быстро оглянулась, слегка кивнула головой и, величаво распрямившись, так же вполголоса сверху вниз многообещающе бросила:

– Ты у меня еще взрыднешь, Соколов. – Свысока подарила прощальную улыбку и горделиво удалилась.

Я с облегчением вздохнул. Все-таки она создает вокруг себя слишком высокую концентрацию женского начала, как Джессика из мультика про кролика Роджера. И это всего лишь конец восьмого класса...

Света подошла, гневно раздувая ноздри, и взглядом распыла меня в перекрестье прицела. Я нервно сглотнул и молча развел руками. От дальнейших разборок спас длинный свисток начавшей урок физручки.

Минут за пятнадцать до большой перемены я почувствовал нарастающий голод и решил на просьбу:

– Тамара Борисовна, а можно я в столовую пока пойду?

– Только прямо в столовую, больше нигде не шлейся. – У нашей физручки я был на хорошем счету как спортивный мальчик.

Под завистливыми взглядами класса я стремительно дезертировал из спортзала. В буфете взял треугольный пакет витаминизированного молока на четверть литра, капустный салат и сдобную булочку с обсыпкой из сахарной пудры. За все про все – девятнадцать копеек. У прилавка с горячими блюдами протянул талон на двадцать четыре копейки:

– Добрый день, мне суп гороховый и бефстроганов с пюре.

– Соколов! – раздался из-за плеча смутно знакомый голос. – Ты почему не на уроке?

– И вам добрый день, Татьяна Анатольевна, – повернулся я к забавному колобку на ножках и ткнул пальцем в лоб: – Освобождение от физкультуры, Тамара Борисовна отпустила пообедать.

Директриса кивнула, принимая объяснение. Я забрал заказ, стянул с подноса с бесплатным хлебом один ломоть и устроился за столиком. Через минуту напротив уселась Тыблоко и принялась возбужденно мешать чай. Чем-то она напоминала растрепанного воробья после насильственного купания в луже.

– У вас сегодня классный час последним?

– Да, Татьяна Анатольевна, – подтвердил я и, чуть помедлив, спросил: – Что-то случилось?

– Случилось, – подтвердила она, злобно бросив чайную ложку на стол, звучно швырнула чаем и замолчала.

– Секрет? – вежливо поинтересовался я для поддержания разговора.

– Уже нет... Все равно сегодня на классном часе будем обсуждать. Сокращают один девятый класс. – Она виновато посмотрела на меня, словно это было ее решение. – Будем сливать «А» и «Б»... А кто послабее – в обычные школы пойдут и ПТУ.

– Ого! Вот это новость! – изобразил я, как мог, изумление. – Неожиданно. Восемь лет углубленно изучать английский язык, чтоб потом пойти в ПТУ. Это ж сколько на нас уже потрачено средств.

– А я о чем! Я в райкоме то же самое говорила, все без толку... Мол, не хватает людей рабочих профессий, нечего заповедники элитные устраивать – все равны, – Тыблоко злобно пыхла, постепенно повышая голос, – решение принято, извольте выполнять.

Я задумчиво дегустировал суп – вкусно, однако, хоть добавку бери.

– Сейчас начнется, – задумчиво протянул я. – Дикая природа, борьба за жизнь...

– Ну тебе-то особо беспокоиться нечего, если в последней четверти не съедешь по успеваемости... А так – да, начнется, родители побегут... – Она раздраженно бросила ложку на стол и, помолчав, добавила с тоской: – Еще этот вопрос национальный, проклятуший...

Я поднял бровь, прося разъяснений.

– Ну что ты не понимаешь? – с полтычка завелась она. – Сколько у вас евреев на потоке? И слабых детей среди них нет. У меня запросили средний балл по ученикам восьмых классов – они все по оценкам проходят. Восемь человек на тридцать два места! Двадцать пять процентов... – Она с досадой махнула рукой. – И что мне теперь делать? Кого не брать из твоего класса? Левицкую? Сам знаешь, лучшая ученица, первое место в городе по русскому языку. Резника? Дыскина? Они не сильно отстают от Левицкой. Симцевич? Так в объединенный класс проходят с десятком хуже нее по среднему балу. Оценки им за национальность я срезать не буду. Я так в райкоме и сказала.

Я с уважением посмотрел на директрису. Во тетка дает, ей же до пенсии еще лет десять пахать.

– Хм... – Я задумчиво подергал себя за нос, припоминая историю класса. – У меня для вас есть радостные новости. По слухам, – я акцентировал последнее слово, пристально

взглянув в глаза собеседнице, – Симцевич собирается уходить в музучилище. Хочет заниматься музыкой, а талантища, чтобы с такой фамилией без вопросов поступить в консерваторию, нет. Какой смысл ей сидеть здесь еще два класса?

– Это точно? – впила в меня директриса.

– По слухам, – повторил я. – Но похоже на правду. Это раз.

Я сделал паузу и отправил в рот пюре с подливкой.

– Что, есть и два? – не поверила своему счастью Тыблоко.

– Угу, – промычал я, наслаждаясь ситуацией. Хорошо быть благим вестником – директриса смотрит влюбленным взглядом... Главное, паузу не затянуть, а то у нее на дне глаз белым ключом начинает закипать раздражение. – Есть и два. Дыскин хоть и не Валдис Чапелль, но в точных науках силен. Просто на фоне Чапелля он выглядит бледно, а так вполне готов для математической спецшколы. Так что от нас не только Валдис уходит, но и Миша. По слухам!

– Фух, – выдохнула директриса с облегчением, как после стопарика водки. – Это совсем, совсем другой коленкор. Спасибо, Андрей, помог. Тогда, – задумчиво закатила она глаза к сводчатому потолку подвала, что-то подсчитывая, – тогда все складывается: и овцы целы, и райком почти доволен...

Где-то вдали прозвенел звонок, и мы быстро засобирались. Сейчас начнется половодье из оголодавших школьников – могут и в пол втоптать.

– Ты только, Андрей, это... – Директриса замялась, подбивая слова.

– Могила, – заверил я.

– Ага, молодец, понимаешь. Особенно насчет евреев никому.

– Понимаю, Татьяна Анатольевна, – кивнул я.

– Хорошо, беги.

Я приснул в кулак:

– А можно пойду?

– Хорошо, – заулыбалась Тыблоко, – иди.

И я пошел, осторожно, вдоль стены, чтобы меня не снесли ломящиеся наперегонки в столовую, как стадо обезумевших гамадрилов, ученики. Впереди инглиш, а у меня так и не появилось ни одной убедительной идеи, как мимикрировать под уровень знания восьмого класса.

Хоть и говорят, что перед смертью не надыхаешься, но я решил использовать спокойную обстановку в пустом классе для последнего прогона текстов. Первые пятнадцать минут именно этим и занимался, пока за моей спиной не заняла свое место Тома.

Я замер, уткнувшись ничего не видящим взглядом в страницу, потом собрался с духом и обернулся. Тома повторяла темы, наклонив голову, и солнце бликовало яркой медью в ее чуть завивающихся каштановых волосах. Почувствовав взгляд, она оторвалась от тетрадки и вопросительно посмотрела на меня.

Да, они все такие же двухцветные. В прошлый раз мы оказались глаза в глаза слишком поздно, за неделю до выпускного бала, и все последующие годы сожаление о несбывшемся порой накрывало меня, как волна, с головой, отправляя в черную депрессию. Я улыбнулся:

– У тебя глаза разного оттенка, один ярко-зеленый, второй – зеленовато-серый. Знаешь?

– Только сейчас заметил?

– Угу, дурак был.

– Самокритика – это хорошо, у нас это приветствуется.

– Правду говорить легко и приятно, – с достоинством ответил я.

Тома чуть прищурилась и впервые посмотрела на меня с интересом:

– Читал?

– Многократно.

– «Посев?» – лукавая улыбка с ямочками.

Ну да, ямочки на щечках – это мое слабое место, знаю и ничего поделать с собой не могу. Да и не хочу.

– Приличная советская девушка не должна знать таких ругательств.

Тома закусила губу, пытаясь сдержаться, но не вышло, и она засмеялась во весь голос, откинув голову назад.

– Да, надо запомнить, дома повеселю. – Легким движением она отбросила свалившуюся на левый глаз челку.

Я с какой-то щемящей грустью рассматривал милую линию ее шеи и подбородка, слегка розовое на просвет левое ушко. Помнится, у нее хрящики там мягкие, как тряпочки, и при сильном ветре ушки забавно трепещут в потоках воздуха.

– Ты что? – встревоженно спросила она.

– А? – оторвался я от созерцания. – А, люблюсь красивой девушкой.

– Дурак, – отрезала Тома, заливаясь краской до самого белоснежного воротничка, и отгородилась от меня листами с темами.

– Наверное, да, дурак, – помедлив, признал я и медленно отвернулся.

Точно дурак. Привык к общению с нагламурными стервами за сорок...

Эльвира шла строго по алфавиту, и до звонка оставалось заслушать только меня и Чистякову. Кошмар моих школьных лет сидел через парту от меня, нахохлившись, подобно небольшой злобной птичке, готовый задолбить своим острым красным клювиком любого оступившегося на тропе знаний. Сегодня Эльвира была очевидно нездорова, и болезненный цвет носика объяснялся тем, что его ежеминутно терзали скомканным и безнадежно мокрым носовым платком. Казалось, воспаленные глаза вот-вот затянутся белесыми перепонками и она упадет со стула на пол, воздев к потолку окоченевшие лапки. Однако это все никак не происходило, время шло, очередь опрашиваемых сокращалась, а англичанка, собрав силы в кулак, продолжала методично потрошить нашу группу. Вот закончила запинаясь на последней трети текста Ирка Родина.

Эльвира качнула головой, позволяя сесть, поморщилась и после короткой паузы резюмировала:

– Four. Not confident and sequence of tenses as usual³.

Короткий взмах пера, и вот моя очередь идти на Голгофу.

– Moscow is the capital of our country, the Union of Soviet Socialist Republics...⁴ – бодро начал я тарабанить выпавшую тему.

Англичанка ушла в себя, лишь изредка подергивая бровями на каких-то значимых для нее ухабах.

Две страницы печатного текста уложились в пять минут, и, финишировав, я опасливо замолчал. Эльвира сфокусировала на мне взгляд и, задумчиво пожевав нижнюю губу, выдала:

– Sit down⁵.

Авторучка нависла над журналом и, не ужалив страницу, легла на стол. Учительница с чувством высморкалась, чертыхнувшись вполголоса, и уставилась в окно. Класс в тревожной тишине наблюдал за сбоем в программе. Наконец, что-то для себя решив, Эльвира оторвалась от панорамы города и перешла на русский:

– Соколов, задержись на перемене. Чистякова, go on.

³ Четыре. Неуверенно и, как обычно, согласование времен (англ.).

⁴ Москва – столица нашей Родины, Союза Советских Социалистических Республик... (англ.)

⁵ Садись (англ.).

Последним из класса, бросая в мою сторону сочувственные взоры, вымелся Паштет. Дверь хлопнула, отсекая меня от воздуха свободы. Эльвира еще раз высморкалась, с некоторой неуверенностью покрутила в руках авторучку, как будто не знала, как приступить к разговору, потом решила:

– За тему – «пять». – И после короткой паузы перешла в наступление: – Однако меня смущает один момент. У тебя изменилось произношение. За три дня! Мы в нашей школе ставим кембриджский вариант, а у тебя вдруг стало проскальзывать много американизмов. Я учу английскому уже двадцать пять лет и никогда о таком даже не слышала. Чем ты это можешь объяснить?

Она испытующе уперлась в меня гипнотическим взглядом. Ну да, чудеса не произошло, пора извлекать из кармана заготовленную нелепицу.

Я замялся, изображая неловкость, разорвал взгляды и уставился в окно. Из нашего расположенного на чердаке класса открывается шикарный вид на город – как не полюбоваться?

– Ну, Андрей, я жду.

– Эльвира Хабибульевна... – уныло проныл я.

– Это я знаю, меня так уже полвека зовут. Дальше.

Хм... Вдруг немного лести поможет? Я изобразил удивление:

– Да не может быть! Я думал, значительно меньше... – и невинно захлопал глазками.

Эльвира болезненно поморщилась:

– Соколов, я не в том сейчас состоянии, чтобы твое пустословие слушать.

– Извините, – покаялся я.

– Дальше, дальше.

Я поковырял пальцем парту, шмыгнул носом и поднял на нее полные мольбы глаза:

– Эльвира Хабибульевна... Тут такое дело... Мне бы очень не хотелось, чтобы об одной моей проблеме узнали в школе и родители. Я могу рассчитывать, что сказанное мной никуда не уйдет?

– Это будет зависеть от сказанного, – ожидаемо ответила англичанка, впившись в меня взглядом. – Говори, Андрей, говори, переменка короткая.

Я еще раз ковырнул парту, глубоко вздохнул, понурился и начал излагать.

– Видите, – ткнул пальцем в шишак, – сильно ударился головой. У меня появилась ретроградная амнезия.

– Ретроградная, наверное?

– Да, точно, ретроградная. К примеру, забыл, где и с кем сижу в классе, имена-отчества частично, клички... Но память постепенно восстанавливается. Периодически всплывает то, что забыл. Что-то аккуратно вопросами выясняю. Пока никто ничего не заметил. Мама об этом не знает, папа в командировке. В школе только один человек еще знает. Вот... – Я оторвал взгляд от парты и вперился в зрачки Эльвиры. – Судя по всему, английский тоже пострадал. И на это наложилось то, что мне вдруг стало интересно слушать радиостанции на английском языке всякие: новости, про культуру, науку, спорт... Я три дня, пока на справке был, «Ригонду» слушал, «Голос Америки» на английском в основном. Видимо, особенности произношения легли на временно освободившиеся места в памяти. Ничем другим объяснить не могу...

– Хм... – Англичанка задумалась, вертя в руках авторучку. – Интересная версия. И что ты там узнал, например?

– Э-э-э... После убийства Джумבלата ливанские друзья вырезали жителей христианской деревни, около которой он попал в засаду. Убито около ста человек, в основном женщины и дети... Вчера в Конго президента убили... Сложное имя такое, не запомнил... У нас еще об этом не объявляли. Председатель конголезской партии труда. Какого-то Натана Щевранского все упоминали в связи с заседанием конгресса по советским евреям...

– Достаточно, достаточно, – торопливо остановила меня Эльвира. – Понятно. Хм.

Она ненадолго задумалась, болезненно шуря глаза.

– Ладно, – решительно подвела черту, – будем выбивать. Даже интересно. – Англичанка окинула меня хищным взором, словно решая, с какого места прямо сейчас начнется то самое «выбивание».

Я невольно поежился. Впрочем... Пусть выбивает, от меня не убудет. Кембриджское? Ха, нашли чем испугать. Я робко улыбнулся:

– Эльвира Хабибульевна, я пойду? Звонок скоро...

Эльвира поиграла бровями, шмыгнула еще раз, полистала свой журнал и напоследок зло-вредно сказала:

– А за четверть – «четыре». Пахать надо, Соколов, па-хать! Английский надо задницей брать. В слове засомневался – открываешь Мюллера и ищешь. И тут же заучиваешь всю словарную статью. А, что тут говорить. – Она с досадой махнула рукой. – Иди...

– Ну? Как?!

– На заднем дворе их много.

– Сейчас стукну! Вот дай только сапоги сниму.

– Считай до десяти, я пока спрячусь.

– Сейчас... дай только сапоги снять... сейчас... – Наклонившись, мама нервно подергала на сапожке заевшую молнию, потом нетерпеливо распрямилась и гневно топнула: – Я тебя сейчас сама между половицами спрячу, паршивец мелкий, папа потом с микроскопом не найдет! Отвечай быстро, что по русскому, литературе и английскому?!

– «Три», «четыре», «четыре», – дурашливо вытягиваюсь в струнку и рапортую, радостно поедая глазами лицо начальства. Потом опускаюсь на колено: – Да не дергайся, сейчас расстегну... Вот, с лаской надо, с любовью...

– Так... – мама на глазах веселеет, – уже легче. Тему на что сдал?

– «Пять», – отвечаю гордо.

– По остальным что в четверти?

– То же, что и во второй.

Мама повесила пальто и вспомнила, что хвалить вредно:

– По русскому – три балла, стыдоба-то какая! Как жить будешь с такой грамотностью? Начальство не будет уважать, коллеги станут смеяться за спиной, пальцем показывать... – запричитала она жалобно над моей судьбинушкой.

– Девушки любить не будут, – с тоской в голосе подхватил я скорбный перечень.

Мама сразу заметно напряглась:

– Какие девушки? Зорька твоя, что ли?

– Ну зачем обязательно Зорька... Это даже, совсем напротив, необязательно... Вообще девушки как биологический вид. Вот скажи, – с энтузиазмом развиваю тему, – ты в папин диплом с оценками когда заглянула – до моего рождения или после?

– Э-э-э... – ошеломленно тянет мама, – я?

– Ну да, мне-то зачем?

Она что-то такое вспомнила и порозовела.

– Ты это кончай выдумывать, оценки какие-то...

– Есть кончать с оценками! – довольно согласился я. – И вообще, что у нас сегодня на праздничный ужин планируется?

Мама пару раз озадаченно моргнула:

– Тьфу на тебя, язык длиннющий! Совсем заболтал. Ты не думай, что я тебе эту «тройку» так спущу! Ты у меня учебник наизусть учить будешь! Вот подожди, папа придет...

И под эти ритуальные обещания мы переходим на кухню. Пройдя к столу, мама вытряхнула из матерчатой сумки добычу и азартно нависла над ней. Сероватая бумага распахну-

лась, и я увидел легендарную синюю птицу. Судя по застывшему в глазах выражению, она так и умерла непокоренной. Чем-то, то ли горделиво заброшенной вверх головой с топорщащимся гребнем, то ли свободно распрямленной позой, она походила на непреклонно прошедшую по жизни старушку-раскольницу. На кур двадцать первого века смахивала не больше, чем жилистая дворняга – на разожравшегося ротвейлера. Элегантно вытянутые тонкие синюшные лапки были обтянуты кожей с топорщащимися кое-где жесткими остями. Сквозь нее просвечивали тугие жгуты сухожилий и мышц, накачанных, видимо, за время предсмертного переезда строем из Сибири на Синявинскую птицефабрику. Судорожно сжато когтистые лапы молили о скорейшей отправке к задней стенке морозилки, где они упокоятся в уютном, навевающим мысли о Дахау, штабеле себе подобных до первомайского студня.

– Ты иди и дверь закрой, я ее сейчас опаливать буду, – озабоченно сказала мама, открывая форточку.

– Почему килограмм трофея? – поинтересовался я, разглядывая размашистый карандашный росчерк «два двенадцать» на углу обертки.

– Два тридцать.

– Меньше килограмма...

– А с чего им больше быть? Кормят впроголодь, а яйца всю жизнь неси. Бедняга – тощая, как цыпленок.

Мама засунула руку в курицу и начала что-то там нашаривать.

– Да, а у нас классы объединяют. Из двух наших восьмых делают один девятый, остальные – в училища и обычные школы, – поделился я главной новостью дня.

– Черт! Да разве ж можно такое под руку говорить?! Разорвала из-за тебя желчный пузырь, теперь горчить будет... – Мама огорченно рассматривала выдернутую из тушки печень.

– Дрогнули руки у Никиты Кожемяки, и порвал он шесть воловьих шкур, – речитативом продекламировал я.

– Да ну тебя, одно расстройство. – Мама наконец оторвалась от курицы и повернулась ко мне: – Так что там с объединением?

– На классном сегодня Тыблоко объявила. Сказала, что пройдут тридцать два лучших по среднему баллу ученика, мол, все будет честно.

Мама небрежно отмахнулась:

– Ну это понятно, как иначе-то?

Я задохнулся от неожиданности. Как может быть иначе?! Да легко, мать-перемать... Перед глазами внезапно поплыла красноватая пелена ярости, и я сцепил челюсти, чтобы из меня не вырвалась полыхнувшая ненависть. Вдох-выдох, вдох-выдох...

– Э, ты чего, Дюш?

– В ухе стрельнуло что-то... – Для убедительности я потер правое ухо. – Все, прошло. Так вот, меня сегодня с физры пораньше отпустили, и я с Тыблоком обедал. Она сказала, что у меня все о'кей, если не съеду в последней четверти сильно.

– Готовься, – сказала мама спокойно, – будем три шкуры с тебя спускать.

– Всегда готов! – вскинул я руку. Учебой меня теперь испугать сложно. Так бы вот всю жизнь учился и учился...

Долгожданный скрежет ключа в замке раздался, когда по «Времени» показывали награждение хоккеистов ЦСКА золотыми медалями. Я, впившись взглядом в экран, рассматривал молодые лица легенд – Харламов, Жлуктов, Фетисов, Цыганков, Петров, Михайлов, Викулов, Лутченко, Третьяк...

Мама, радостно взвизгнув, опрометью бросилась в коридор и повисла на папе, я терпеливо пристроился позади. Потом дошла очередь и до меня. Привстав на цыпочки, я вдохнул знакомый запах трубочного табака и подивился отсутствию привычной седины в бороде.

Оторвавшись, рассмотрел внимательнее. Папа молод, бодр, элегантен и окружен каким-то нездешним флером, слегка выпадая из советского антуража. Пожалуй, выражением глаз: сквозь радость встречи и облегчения от окончания дороги просвечивают легкое недоумение и какая-то светлая тоска по мельком увиденному, как у мальчонки-подпaska, издали посматрившего на игры приехавших в имение на лето барчуков, – ему в эту сказку попасть не светит при любом раскладе.

Память выбрасывает на поверхность строки: «В глазах оленей призрачных горит, как дальний свет, та дикая Америка, которой больше нет». Ну нет и нет...

Я еще раз взглянул отцу в глаза и принял на себя еще один долг, которым так часто пренебрегал там. А для начала пусть испытает радость от дарения подарков любимым.

– Пап, пап! Мы по тебе скучали! Мама так вовсе места себе не находила – видишь, как меня в сердцах шлепнула? Признавайся, что ты нам привез?!

Папа, смеясь, обнимает нас вместе, потом пытается провести медицинский осмотр прямо в коридоре.

– Да все в порядке уже, – уклоняюсь я. – Все прошло, как с белых яблонь дым. Давай, сим-сим, открывайся, мама извелась вся!

– Да-да, – подключилась мама, нетерпеливо приплясывая, – иначе никакого ужина!

Папа обреченно потянул носом, потом начал, радостно блестя глазами, одаривать эксклюзивом. Ну да, по советским меркам – выше только звезды. Маме достались маленький флакончик какой-то туалетной воды, кусок ароматизированного мыла и что-то из предметов туалета. Она в ответ одарила папу восторженным поцелуем и с повизгиванием унеслась в комнату для примерки.

Мне же торжественно вручили брусок двухкассетного магнитофона, десять 60-минутных кассет «Super chrome», кассету для чистки головки, футболку с трилистником «Адидаса» и пять одноразовых шариковых авторучек «Bic».

– У-у-у, здорово! Спасибо, пап, – старательно изобразил я восторг – практики лицедейства у меня в последние дни было предостаточно. – Ого, израильская! – Я указал на синюю шестиугольную звезду на этикетке футболки.

– Хм, – папа с сомнением посмотрел на политически неблагонадежную полоску ткани, – не заметил. Спороть бы ее надо...

– Зачем?

– Скажут, что экономически поддерживаем противника.

– Ага, туалетную воду от страны – члена НАТО можно, а футболку из Израиля – нет?

– Эх, Дюш, кто может знать заранее, что этим дубам в голову придет? На твою детскую демагогию всегда найдется демагог с тридцатилетним стажем, который со ссылками на Маркса с Лениным как дважды два докажет, что ты – враг народа и сионистский диверсант, да так ловко, что и сам в это поверишь.

– Ничего у меня не детская демагогия, а самая что ни на есть настоящая... Спарывать?

Папа еще раз взвесил на чутких внутренних весах все обстоятельства и махнул рукой:

– Оставляй. Только никому не хвастай, тогда можно будет сказать, что не обратили внимания.

– О'кей. А себе что взял?

– Да ничего. Что там брать-то на эти недельные командировочные? Да еще подарки для работников ЦК надо было купить, а то в следующий раз на конгресс могут и не послать... Хорошо хоть им немного надо, тех же авторучек «Bic» вязанку да шоколадку начальнице.

– Занес уже?

– Угу, сегодня прямо из аэропорта туда и заехал. Прошелся по кабинетам, поулыбался, раздал да выклянчил у теток проездной на самолет до Ленинграда, а то бы только завтра поездом приехал. Со Старой площадью надо дружить...

Я разложил привезенные подарки на своем столе: магнитофон, стопку кассет, пучок шариковых авторучек, вражескую футболку – и разглядывал, постепенно наливаясь злостью. Нет, не понимаю... С какой стороны ни посмотри, все равно не понимаю. Ладно, были люди идеи. Но ведь многие отказались от своей страны ради возможности покупать такое барахло. Похоже, нас развели, как индейцев Северной Америки, за горсть бус и несколько зеркалец.

Вскинул глаза на свое отражение в темном стекле. Лица не видно, только контур упрямо наклоненной вперед еще детской фигуры. Эх, малыш... Куда ты лезть собрался? Это колесо тебя разотрет и не заметит. Может, ну его на фиг?

Глава 4

Воскресенье 20 марта 1977, 9:35

Ленинград, Измайловский проспект

Отодвинув от стены «Ригонду» и разложив мануалы, я уже полчаса терзал мозг, пытаюсь понять, как поженить отечественный выход СШ-5 и непонятную распайку на входе двухкассетника. С ходу запись не пошла – значит, несовместимость, надо перепаявать переходник. В гадской западной инструкции про разводку ни слова. Можно, конечно, пойти методом перебора, у СШ-5 всего три контакта используется, но все равно вариантов получается немало.

– Воскресенье – день веселья, песни слышатся кругом! С добрым утром, добрым утром и хорошим днем, – насмешливо пропело радио.

Я посмотрел на него недобрым взглядом и задумчиво почесал затылок. Что-то нет желания полдня перепаявать контакты... И опять хочется есть. Это просто напасть какая-то – голод приходит к молодому растущему организму по несколько раз на дню, как по расписанию. Скоро там мама завтрак приготовит? Нервно выдернул паяльник из розетки, задвинул на место «Ригонду» и, проскользнув мимо мучающего пружинный эспандер отца, пошел на разведку.

– Ты что пришел? Рано еще, позову, – попыталась выдворить меня мама.

– Учиться, – соврал я, не моргнув глазом, потихоньку прокрадываясь к столу с вареной колбасой. – А то только и умею, что чайник вскипятить, макароны сварить и консерву открыть. Давай говори, что делать.

– Куда руки потянул, проглоти! Appetit испортишь, положи, поло... Все, больше не бери. Иди сюда, на, три сыр.

– Мой аппетит невозможно испортить, на нем знак качества негде ставить. – Довольно жмурясь, я проглотил кружок колбасы и пристроился к терке.

Мама тем временем поставила на огонь большую сковороду и бросила на нее добрый кусок сливочного масла, граммов так на сто. Поверх мягко легла сероватая гора крупнокалиберных макарон. Божечки мой... Где ты, здоровое питание, в каких далях?

Дзинь... Доставка. Ага... У нас в СШ-5 схема 2-3-5, земля, левый и правый, а там 2-1-4 стандартно должно было. В голове проявилась схема распайки переходника. По-ня-тно...

Меня начала бить крупная дрожь, пришлось бросить сыр и вцепиться в столешницу. Невидяще уставился на мелкие потеки масляной краски на стене и принялся считать про себя от десяти в обратном порядке. Уф... Покосился на маму: ничего не заметила – увлеченно строгаёт в стопку бутерброды. Взял сыр и начал сосредоточенно тереть. Вжих... вжих... вжих. Очень медитативное занятие, но руки все равно дрожат.

Заработало! Восторженно матерюсь про себя, по лицу ползет довольная улыбка. Мать-мать-мать, заработало...

Захлопнул за родителями дверь и, повернувшись, прислушался к пустой квартире. Никого. Отлично, никого не хочу сейчас видеть и слышать. Пусть родители катаются себе на катке – час до стадиона Ленина, час оттуда, там еще часа три. Замечательно, а мне надо причесать мысли.

Возбужденно прошел в свою комнату и попытался набросать план первоочередных дел. Ни фиги не получилось, мысли скачут, как стая растревоженных белок. Чертыхнувшись, полез под душ. Минут пять массажа горячими жесткими струями – и я уже почти человек. Ладно, план подождет, это я погорячился, сначала надо определиться с целью. Пока не было брейн-серфинга, думать о ней было рано, но теперь пора.

Заварил по правилам, до пенки, краснодарский чай и, устроившись с ногами в кресле, погрузился в воспоминания.

Перестук колес, полутьма купе, запахи затянувшейся вечеринки. Колышутся неясные тени, напротив – самый главный собеседник в моей жизни.

– Во-первых, я не кто, а что. Явление в процессе... – Он покрутил кистью в воздухе, подбирая слово, – самосборки. Я – тень, которую отбрасывает в прошлое одно вероятное явление, частью которого может стать человечество.

– Забавно, – подумав, откликаюсь я. – А парадокса в такой самосборке нет?

– Нет. Способность к самосборке – мой атрибут, поэтому парадокс не возникает.

– Шулерство какое-то, – ворчу я.

– Так только кажется. Впрочем, это не особо и важно. Суть в другом. Одним из условий моей реализации является формирование человечеством определенной общественной формации. В этом – мой интерес. К сожалению, это маловероятный исход. Поэтому я инициирую запуск альтернативных временных потоков, пытаюсь достичь результата хотя бы в одном из них, этого будет достаточно.

– То есть они все-таки есть, альтернативные временные потоки?

– Да, когда я их создаю.

– Хм... – приподнял я бровь. – И, наверное, вы хотите предложить мне поработать на вас в одном из таких потоков... Так?

– Вы поняли абсолютно верно.

– Осталось понять, хочу ли я, чтобы эта редкая формация случилась. Может, человечеству лучше обойтись без нее?

Собеседник грустно усмехнулся:

– Если человечество не погибнет, то эта формация обязательно возникнет. Проблема в том, что пока не получается не погибнуть. Но решение возможно, иначе бы я здесь сидеть не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.